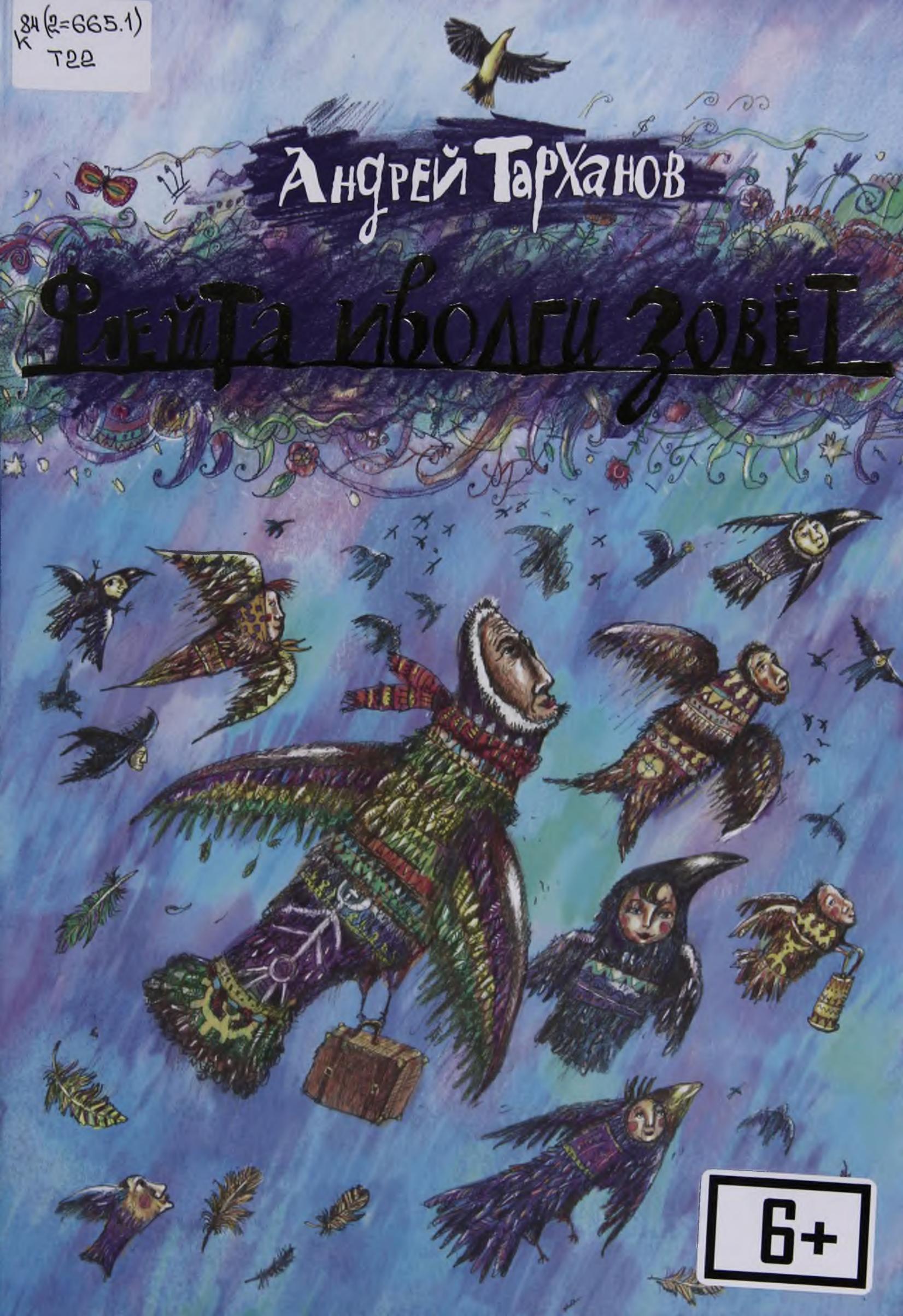

84(2=665.1)
К
Т22

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

Фейта и болги зовей

6+

Андрей Тарханов

Книга для детей
всех школьных
возрастов

Андрей Тарханов

ФЛЕЙТА ИВОЛГИ ЗОВЁТ

Книга для детей всех школьных возрастов

художник А. Морозов

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
2013

0163024

Государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 84(2Рос-Ма)
Т22

Тарханов А.С.

Т 22 Флейта иволги зовёт : Книга для детей всех школьных возрастов. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2013. — 180 с. : ил.

ISBN 978-5-7529-0996-1

Книга мансийского поэта содержит произведения разных жанров и рассказывает о красоте окружающего мира, о чудесах, что живут рядом с нами и о всеобъемлющей связи человека с природой.

ББК 84(2Рос-Ма)

ISBN 978-5-7529-0996-1

© Тарханов А.С. 2013
© Морозов А.А.,
иллюстрации, дизайн, 2013
© Средне-Уральское книжное
издательство, 2013

От редакции

Новая книга мансийского поэта Андрея Тарханова «Флейта иволги зовёт», как и предыдущая — «Лесные доктора» — имеет целенаправленную авторскую верность традициям русской классической детской литературы.

На этот раз поэт дарит юным читателям стихи об играх самих детей в окружающем мире, о первых раздумьях детей от неожиданных впечатлений в быту, в школе, о всеобъемлющем влиянии природы на развитие будущей личности. Именно в этом плане лирическая и познавательная поэма «Милосердная сосна» невольно становится художественной основой книги. Герои произведения — лесные друзья целебного хвойного дерева: Барсук, Белка, Лиса, Дятел-Желна, птицы-гогли. Каждый из этих персонажей, в том числе и Сосна, выписан живописно, увлекательно.

Есть в книге и жанровые новинки — рассказы для школьников среднего и старшего возраста, мансийские пословицы и поговорки. Рассказы остросюжетны, оригинальны по стилю.

Мы уверены, что книга «Флейта иволги зовёт» подарит вам, дети, незабываемые минуты общения с ней.

Байрон,
английский поэт:

«Блажен, чья жизнь с природою едина...»

Бетховен
немецкий композитор:

*«...Я улавливаю свои идеи в природе:
в лесу, на прогулках, в тишине ночи,
ранним утром».*

И.С. Тургенев,
русский писатель:

*«Настоящие лучшие качества человеческого
сердца ясней и полней раскрываются
на природе».*

Юлиус Роберт Мейер,
немецкий физик:

*«Природа в ее простой истине является
более великой и прекрасной, чем создание
человеческих рук».*

И.М. Блудилин-Аверьян,
русский писатель, публицист, критик:

*«Известно, что практически все основатели
творческих школ древности считали Природу
главным наставником талантливого человека».*

А.С. Тарханов,
автор книги:

*«Самое начальное физическое развитие детей
исходит от игр. Но игры одновременно,
как и природа, несут эмоциональное, умственное
развитие».*

Поэма,
загадки,
рассказы,
СТИХИ

для детей
младшего и среднего
школьных возрастов

© M. Lopez

Милосердная сосна

Поэма

Сосна

На яру горда, ветвиста,
К небу тянется Сосна.
И в пургу, и в дождь лучиста,
И друзьям своим видна.

А друзья: Барсук известный,
Гогли, Дятел и Лиса,
Ну, и Белка, повсеместно
Изучившая леса.

Есть у древа и крупянки* —
Алые свои цветы.
Летним утром встань пораньше —
Дух цветов пригубишь ты.

Времена любого года
Чтит Сосна, как ворожей.
У неё одна забота —
Быть хранителем друзей.

* *Крупянки* — местное название цветов сосны, бывающие обычно в июне.

Барсук

Под Сосной в яру нора,
Рассказать о ней пора.
Лишь с реки нора видна,
Так хитро сотворена.
Сколько в ней ходов, извилин, —
Не подскажет даже Филин.
Я скажу для детворы:
Сторонитесь той норы.
В ней живет Барсук дремучий,
До смешного невезучий.
Съесть хотел вчера Мышонка,
Тот исчезнул в норке тонкой.
А потом его Паук
В глаз ударил —
Взвыл Барсук.

Он выходит ночью тёмной —
Полосатый и огромный.
Воздух трепетный, душистый
Зверь в себя вбирает быстро.
Он на запахи рванулся,
Поскользнулся,
В воду — бух!

Флейта иволги зовёт

Хрюкнул он, как поросёнок,
Рассердившись на себя,
И поплыл.
А воздух звонок,
Ароматы шлёт хвоя.

Ночь — отрада Барсука,
Он хозяин ночи.
Съест Зайчонка и Жука,
Если голод точит.

Он тропой бежит сопя,
Зверь добычу ищет.
Нагружает он себя
Через меру пищей.

Еле зверь идёт назад,
Неуклюжий, странный.
Но ведут, ведут глаза
К той, родной, поляне.

В детстве здесь Барсук играл,
Землянику собирал.

Вот у кручи зверь прилёт,
Словно нынче занемог.

Стал смотреть он, чуть дрожа,
Ожила на миг душа.

В небе звёзды и в реке,
Видит всполох вдалеке.

Вдруг увиделась нора, —
Знать, ему домой пора.
На заре вернулся он,
В тяжкий погрузился сон.

А на круче тени сна
Отряхнула с плеч Сосна.

— Здравствуй, ясный день зари,
Радость жизни подари
Этим песенным ветвям
И моим в тайге друзьям.

Белка

Белка модницей слыла,
И в дорогу даже
Зеркальце всегда брала,
Чтоб себя уважить.

Гребень Белка берегла,
И пушистый, нежный
Хвост лелеяла она
За период снежный.

Летом, осенью — в бега,
Нет минуты лишней.
Земляника — лепота*,
Загляденье шишки.

Видит Белка — Бурундук
В зоб кладет орехи.
Дятел в шишку — тук да тук,
Он смешон от спеха.

* *Лепота* — красота.

Флейта и болги зовёт

Белка к шишкам не спешит:
— Брать их рановато.
Примут рыжий цвет и вид,
Буду очень рада.

Белка красится, поёт,
Говорят — баклуши бьёт*.

Надобно ещё к зиме
Тайно шишки спрятать
В дуплах, даже в старом пне,
Чтоб в студённость по весне
С голода не плакать.

Прячут их бурундуки,
Поползни**, кедровки,
Прячут даже собольки
И хитро, и ловко.

Удивил Медведь их всех:
Полную корзину
Он нашелушил орех,
Мол, теперь не сгину.

Ну, а Белке хоть бы что!
И Сосна сказала:
— Снег уже недалеко,
Шишки рыжи стали.

Шишки сыплются дождём
И стучатся в белкин дом:
— Выходи, красавица,
Мы тебе понравимся.

* *Бить баклуши* — бездельничать.

** *Поползень* — птичка отряда воробьиных. Хорошо лазит по деревьям, любит кедрачи.

Белка выпрыгнула к ним,
По значенью — золотым.
— Как вы нынче хороши!
Словно песня для души!
Сами дайте мне орехи —
В пик зимы мою утеху.
Говорит тогда Сосна:
— Добывай орех сама.
— Но сама я не могу,
Роль моя — лишь на слуху.
Помоги же мне, Сосна.
— Ладно, — молвила она. —
Эй, сюда, бурундуки,
Ронжи*, сойки, собольки!
Белке надобно помочь,
Белка наших кедров дочь.
Ей орехи в дом нужны
До прихода бурь зимы.
И — пошла работа
С первых нот восхода.

И к друзьям солидно вышел
Сам Барсук и заявил:
— Для ореха и для шишек
Я кладовку смастерил.

Закричали все: Ура-а! —
Как на играх детвора.

Белка первый снег встречает
В новой шубке у дупла.
Пусть кедрач родимый знает,
Как сейчас она мила.

* Ронжа — кедровка.

— Ей Сосна, — трещат сороки, —
Помогает от любви.
Шишки есть, орехов много,
Только радуйся, живи.

Белка на снегу танцует,
Нежно песенки поёт.
Припеваючи зимует
Вот уже четвёртый год.

Лиса

— Всем известно — я мудра
И красна с рожденья.
И тайгу — давно пора —
Дать мне в подчиненье.

Станут жители лесов
Жить везде без бранных слов,
Не рычать, как волки,
Объясняться с толком.

Да и шубка у меня
Взгляды привлекает,
Как рябина сентября,
Ало полыхает.

Я могу быть хитрой, гневной,
Откровенно вам скажу,
Так что я на роль царевны
С полным правом подхожу.

Так ли любят все Лису,
Как она глаголит?
Ей командовать в лесу
Вряд ли кто позволит.

Есть Медведь и Волк, и Рысь.
Ох, Лиса, их берегись!

Вон и Заяц на поляне
Смело говорит Ежу:
— Слушать я Лису не стану,
С Мишкой дружбу я вожу.

И Глухарь, и Куропатка
Шум подняли под Сосной:
— От Лисы лишь беспорядки,
Не даёт играть нам в прятки,
Горе от неё зимой.

И тогда Сосна сказала:
— Я с Лисой поговорю.
А Лиса в наряде алом
Тут как тут,
И речь свою начала:
— Хочу в царевны.
Помоги мне в том, Сосна.
— Есть в тайге порядок древний:
Мы — вольны, и ты вольна,
Нам царевна не нужна.

Лучше б ты мне помогла,
Видишь, я устала.

Дятла иволги зовёт

Я имею два дупла.
Буря снег с корней смела,
Холодно мне стало.
Снег на корни намети...
— Ты, Сосна, меня прости,
В гости надо мне идти.
И, махнув хвостом, Лиса
В снежные ушла леса.

Дятел-Желна

У Желны свой вид на время,
Цвет пера — под глухаря.
Ярко-красный знак на темя
Ей поставила заря.

Только небо заалело, —
Стук Желны уже слышать.
Значит, древо заболело,
Надо срочно врачевать.

Дятел держит в поле зренья
Все знакомые деревья.
Слышит стон — зовёт Сосна,
Сразу к ней летит Желна.

Древо ветками качает,
И волнением смущает.
Звонок Дятла голосок:
— Что случилось, мой дружок?

— Я, похоже, заболела,
Кто-то точит моё тело.
Ты же лекарь, милый друг,
Так спаси меня от мук.

— Ну, а Белка где, Сосна?
Знаю, как она шустра,
От когтей летит кора,
Если вскачь летит она.

Запечалилась Сосна.
— Непутёвая она,
Всё в гостях и день, и ночь.
Для меня она — как дочь.
За неё страдаю я,
Вы должны понять меня.
— Как найти её, Желна?
— погоди ты с ней, Сосна.
Главное сейчас — лечение
От Жука
без промедленья.

По коре смолистой, рыжей
Дятел древо обежал.
Вышел он к его макушке,
Сердцем слушал и стучал.

Был Желны диагноз точен:
— Жук вошёл в тебя, Сосна,
Древесину жадно точит,
Мера срочная нужна.
Положись-ка на меня,
Изгоню злодея я.

— Тук-тук-тук,
Тук-тук-тук,
Выходи, коварный Жук.
Если сам ты не уйдёшь,
То на клюв мой попадёшь.

Загрустили, рядом сели.
Глас услышали Сосны:
— Коли вы к нам прилетели —
Праздник грянет у Весны.
Посмотрите, лёд напрягся,
По ночам водой урча.
Каждый миг готов взорваться,
И звеня, и грохоча.
Вам дупло дарю второе.
Белка в кедраче теперь...
Ночью грохот. Что такое?!
Лёд ревёт, как древний зверь.
Гоголь из дупла поднялся,
Чтоб с Гоглихой рядом быть.
Он, хранитель, волновался,
Он умел любить и жить.

Льдины то вставали прямо,
Освещённые луной,
И не двигались упрямо,
Лили дождик золотой.

Вдруг со скрежетом ужасным
Погружались вглубь реки.
А торосы —
 вид прекрасен —
Шли, ломая в прах клыки.

Ледоход валил деревья,
Смял амбар на берегу.
От восторга ныли перья,
Гогли были начеку.

Утро — как явленье сказки —
Нет ни льдинки, тишина.
И с улыбкой доброй, ясной
Встретила гостей Сосна.

Флейта иволги зовёт

Дни, как облака, летели,
Но своё вершили дело.

Семь яиц снесла Гоглиха
И на них сидела тихо.

Гоголь в ветках над рекой
Был при ней как часовой.

И кормилец тоже он,
Пищу самке носит в дом.

Как-то Ворон прилетел,
У дупла коварно сел.

Метил клювом он в жильё,
Гоголь отогнал его.

Семь крикливых, несмышлёных
Родилось утят в дупле.
Их потом в камыш зелёный
Гогли отведут к реке.

Обретут они на плёсах
Гордость, крылья и полёт.
А пока лишь пищу просят,
И Гоглиха устаёт.

Ночью, радуясь, глядела,
Как обнявшись, спят птенцы.
И заботливо их грела,
Слыша шорохи Сосны.

Если буря налетала,
Ветер шишки рвал с ветвей,
Глаз Гоглиха не смыкала,
Берегла покой детей.

Жили месяц дружно вместе,
Но... пришёл час роковой.
Каждый ей сказал:
— Нам тесно,
Нам пора дружить с рекой.

На реке прохлада, тишь,
Чуть качается камыш.
На испытанном пути
Семь гоглят,
а впереди
Гоголь зоркий как Орёл.
Он в залив утят повёл.
Кормовые там места,
Очень вкусная вода.
А Гоглиха спит в дупле
На задумчивой Сосне.
Ночью ей придётся вновь
Стражем быть утиных снов.

В чёрно-белом оперенье,
Выделяясь красотой,
Горделивою осанкой,
Гогли плыли всей семьёй.

В августовскую картину
Краски гоглей взял творец*,
Как природы повеленье,
Как веление небес.
Гогли ночью улетали.
Жутко ночь темна.
Камыши, залив не спали,
Не спала Сосна.

* *Творец* — здесь автор имеет в виду художника.

Гогли тихо облетели
Милые места.
У дупла на ветки сели,
Чуя грусть дупла.

Гоголь первый взял дорогу,
А за ним — семья.
Им вослед сказали: — С Богом! —
Здесьние друзья.

Утро Сосны

Если глянуть утром рано
На земную благодать —
Поднимаются туманы,
Крону древа не видать.

Крона в небесах витает.
Поднимают утки гам.
Филин по-собачьи лает,
Рассердился на туман.

Ветерок от окаёма
Налетел,
 заря горит.
И возникла в небе крона,
Словно царская корона,
Вся сияет и парит.

Огненно лучи взлетели —
Серебристо-алый фон.
Грянул хор —
 леса запели,
Величальный перезвон.

Это диво каждый раз
Вызывало восхищенье
Всех, кто зрил ее паренье,
Даже слёзы шли из глаз.

Был взволнован и Барсук.
Шёл к норе.
И вдруг случайно
Глянул вверх — а в небе тайна:
Небо, древо осиянны.
Замер он. Пришёл испуг.

Уронив из глаз ту высь,
Зверь исчез в норе дремучей.
А над ним в ветвях пахучих
Улыбалась миру Рысь.

Белка, Дятел и Лиса
Смотрят, как парит Сосна,
Словно ёлка в Новый год
Вся искрится и цветёт.

Шепчет дереву камыш:
— Ты от нас не улетишь.
Будешь ты навеки с нами,
И с рекою, и с друзьями.

7 июня — 25 июля 2008

Загадки

Странный зверь

Имя женское у зверя,
Поступь у него тетери*:
Чуть качаясь, семенит,
Редко в небеса глядит.
Рада снежному рассвету,
Любит жить в глубинах речки,
Там тепло ей,
 словно деду
На полатях русской печки.
 (Вядра)

В серых перьях, клюв блестит,
Он над Иртышём парит.
Вот летает он кругами
Над селеньями, лугами —
Надо взять ему цыплёнка,
Желторотого утёнка,
Чтоб желудок утолить,
Чтоб на время тихо жить.
 (Коршун)

Что за утка? Всех утят
В речку из дупла спихнула,
Никого не утопила.
От ворон и от орла
В камыши их завела.
Здесь живут жучки и мошки, —
Это рай ваш, утки-крошки.
 (Утка-гоголь)

* *Тетеря* — тетерев.

О таёжных зверях и грибах

У зверей свои привычки.

Жадно ест лиса ...

(ижъиэиіг).

А медведь мохнат и дик,

Очень любит ... (живодог).

Он и ночью мог бы есть,

Но закон суровый здесь:

Ночью надо, звери, спать,

Не шуметь и не кричать.

Мишка в лапе держит гриб

И, причмокивая, спит.

Белка сушит на пеньках

Семь волнушек при лучах.

Строит белка закрома*.

Не страшна теперь зима:

Закрома полны грибов

И орехов близ пеньков.

Попрыгунья очень рада,

Если есть в дупле ... (влъцо).

Говорит ему медведь:

— На тебя люблю смотреть.

Ты румяный, важный, видный,

Мне порой тебе завидно.

Отвечает гриб ему:

— Мне печально одному.

И признаться неудобно:

Мишка, гриб я... несъедобный.

(довохли)

* Белка находит вблизи своего проживания потайные места, где прячет припасы (прим. авт.).

Мансийские загадки

Вокруг тебя вьётся, а руками не поймаешь.

(Дым)

У края неба — золотая берестяная дорога.

(Горизонт)

Моя железная палка с другого берега птицу берёт.

(Ружьё)

Никто их не пугает, а они всё дрожат.

(Листья вятли)

В животе у железного мужика огонь горит.

(Самовар)

Весной он веселит, летом ласкает, осенью кормит, зимой оберегает.

(Лес)

Подорожник съёжился тоскливо.

Серый коршун от дождя промок.

Луговины скошенная грива

Тоже мокнет, сложенная в стог.

У избушки, маленькой и мокрой,

Целый день чихает мой костёр.

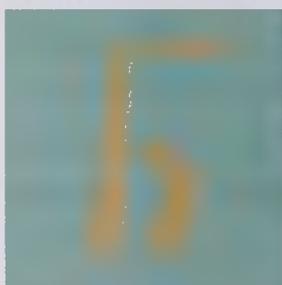
Кто же это — хмурый и недобрый —

Краски осени сегодня стёр?

(Осенний дождик-морось)

Рассказы

ЧУДО

Белая июньская
ночь дышала
ароматом цветущей
черёмухи. Всё в этом мире
казалось сейчас
прекрасным. Да

и как иначе, ведь человек создан природой для наивысшего блага — для радости жить, для умения видеть и понимать красоту.

Такие восторженные чувства переполняли сейчас душу молодого охотника Николая Корикова. Он сидел у настёжь распахнутого окна с Алексеем Полуяновым, зятем, парнем лет двадцати пяти, гостем из Краснодара.

Горизонт, одетый в широкую оранжевую опояску, тихо мерцал. Словно где-то внизу затухал ги-

гантский костёр. И жаркие искры его время от времени попадали на эту опояску, вспыхивали, гасли.

Над логом, над ручьём, бегущим между двумя кедровниками за древней, плавали прозрачные, синевато-белые вуали тумана. На розоватой глади реки плескалась рыба. Ей тоже не спалось в белую ночь.

— В такую ночь, Алёха, камни плачут, — задумчиво сказал Корилов.

— Заплачешь... — приняв за шутку слова Николая, улыбнулся Полуянов. — Девчатам сейчас, небось, райские сны видятся... Стой, стой, — помолчав, спохватился гость, — правда, что ли, плачут... камни эти?

— Плачут. Горько им. Слепые они. Хотят видеть белую ночь,

а не могут. Вот и плачут... Сходи в лог, есть там один камень. Так он теперь весь мокрый, в слезах.

— Чудно что-то, — недоверчиво покачал головой Полуянов.

— Чудно, — вздохнув, согласился Корилов. — Вон ту берёзу видишь? Во-он, что на бугре?

— Ну, вижу.. Берёза как берёза.

— Нет, это не простая берёза. Особой белизны. Будто на парном молоке её растили, холили. Лебяжья белизна, тёплая. — Корилов помолчал, посмотрел на свои часы, спросил: — Хочешь, чудо посмотреть?

— Давай, корми чудесами, — рассмеялся гость.

— Тогда гляди на берёзу. Через десять минут она... Ну, сам увидишь.

Вершина берёзы вдруг озарилась малиновым светом. Ветки затрепетали. На них вспыхнули лучистые серебряные звёздочки — будто с неба упали.

Малиновое зарево, опускаясь сверху, быстро окутывало дерево. И сыпало, сыпало на ветки его звёздочки — эти брызги хрустальных лучей. Не прошло и минуты — берёза вся, до листика, была в праздничном, ликующем сиянье, свеченье радужных огней.

— Как новогодняя ёлка, — прошептал Николай.

— Вот диковина! Вот чудо! — высунувшись по пояс из окна, говорил Полуянов. Его глаза, расширенные, большие, блестели. Бледно-малиновый ореол на макушке берёзы растаял. И кто-то неведомый стал гасить звёздочки. Цветная накидка зари стремительно опускалась с ветвей на землю. Через четыре секунды берёза снова была в своём природном, естественном наряде.

— Солнце встало, — сказал Николай.

— Бывает же такое... — Алексей отошёл от окна. Чувствовалось, что он взволнован. — Расскажу дома — не поверят. Ей-богу. Байки, мол.

— А ты сюда привези, — рассмеялся Николай.

— Придётся... Пойдём, вздремнём хоть часок, — предложил гость.

— Какой теперь сон?.. На реку схожу.

— Ну, смотри.

На том и разошлись.

ТОЛЬКА

*Памяти друга Анатолия Ёндакова —
он пожертвовал собой ради ребенка.*

дёт Толька лесной тропкой. Голову повесил. Чубчик белесый, будто трава, схваченная инеем, поник.

А бывало тряхнёт им, улыбнётся карими, словно спелый кедровый орех, глазами, и весело всем станет.

Вчера кто-то порезал ножом рыбацкий невод — всю стену исполосовал. Рыбаки решили: кроме Тольки некому так озоровать. Обидели парня. Не его это рук дело. Идёт он задумчивый. Я знал, куда он направился. Работал я в то время лесником. Каждый уголок окрестный знал и помнил, как морщины на лбу родной матери. Любимым моим местечком была поляна близ тихой и глубокой протоки Рябины. Росла на той поляне голубика, синяя, душистая. А вокруг сосны, рослые да беспокойные, все шепчут и шепчут. О чём? Мы с Толькой знали о чём. Да, знали. Если тяжело на

сердце, беда какая, ветви зелёные поют и поют: не горюй, не горюй. Живи, живи, живи.

Часто приходилось Тольке бывать у этих сосен. Не любили его в деревне. А за что?!

Жила на отшибе деревни бабка Дена. Дремучая старушка. Совой её звали. Как сова боится белого дня, так и бабка Дена пугалась всего нового. И когда в нашу таёжную дереvuшку пришли весёлые бородатые геологи нефть искать, хлопнула сердито дверью бабка:

— Того и гляди шабаш устроят, проходимцы.

Толька быстро сдружился с геологами. По этому случаю между Толькой и Деной такая словесная перепалка случилась.

— Рыбак, оно известно, видит своего дружка издалека, — бросила старушка камень в огород Тольки.

— Геологи — друзья надёжные, — улыбнулся Толька.

— Оно и видно — гуси перелётные, как ты. Был конюхом,

стал рыбаком. Теперь, видно, в геологи метишь...

— А что? Геологи сказывали мне, что они второе солнце под землёй ищут. Вот это солнце я тебе и подарю, бабушка.

Дена понимала — на чью избу парень вербу клонит. Были свои счёты с Толькой и у Серёги Ендакова. По жизнь не забыть, наверно, тот жаркий июньский день, ту первую встречу с Толькой на охотничьей тропе, случайным свидетелем которой оказался я.

Пробирался я звериными тропами к берегу Конды. Тайга кишела оводом. Голову кружил разнотравный и разнолистный ароматный настой. В такую пору звери тень и воду ищут. Заходит, к примеру, лось в реку или в озеро, ушами прядёт, фыркает. Хорошо, благостно ему: овода нет, прохладно на ветру. Часами стоит он так в воде.

Отдыхающий в воде лось — заманчивая приманка для браконьера. Тут нашему брату — лесникам и охотинспекторам — нужен глаз да глаз.

Раздвигая таловые прибрежные кусты, услышал я крики, ругань, стоны. «Наверно, рыбаки затеяли драку», — подумал я и прибавил шагу на голоса. На открытом всем ветрам поляне

я увидел Тольку. У его ног ужом извивался Сергей Ендаков. Толька, ловчась, норовил поддеть его кулаком. Я подскочил к Тольке, оттолкнул его.

— Лося убил, сволота, — сказал Толька. Руки его подрагивали. На лбу набухала, как туча перед дождём, багрово-синяя шишка.

Я подошёл к иве. В воде. Подёрнутой алой зоринкой, лежал лось. Рядом с ним валялось ружьё. Потухший глаз лося и чёрный глазок ствола в упор немигающе смотрели друг на друга. Подошёл Ендаков, заверещал:

— Не губите, ребята. Век буду молиться за вас.

— Ты всю жизнь молишься, — отрезал Толька. — Молишься, а паскудничаешь... Штраф плати, вот так.

Штраф Ендаков уплатил. Зато у Тольки появился недруг. Подвыпив, Ендаков говорил:

— Надо гнать его из деревни, мужики.

Мужики молчали. А из деревни Толька вскоре ушёл сам. Ушёл навсегда. Было так.

Из соседнего колхоза прислали нам на подмогу трактор — озимые пахать. Захотелось трактористу в субботний вечер девчат на своей грохотуле-машине покатать.

Идёт трактор деревенской улицей — дома подрагивают. Спустился по взвозу к берегу реки, потом — обратно.

Не снижая скорости, вывел водитель стальную громадину на проезжую дорогу — и к магазину. Там народ. Девчата в кабине визжат, хохочут, удовольствие им одно. Не видит тракторист за шутками и смехом, что его машина на ребёнка идёт. Играет малыш на дороге, тоже не видит ничего. Увлёкся бабками.

Два метра осталось грохочущей машине до трёхлетнего карапуза. Ахнул народ. Замер от неожиданности беды!.. Но что это?! На обочине ревмя ревьёт мальчонка. А под гусеницами лежит Толька. Успел он всё-таки выхватить малыша.

Хоронили мы Тольку всей деревней. На могиле впервые называли моего друга по имени-отчеству: Анатолий Семёнович, словно стало ему не семнадцать, а все сто лет. Много сердечных слов было сказано на могиле. А Роман Митрофанович, шалый конюх колхоза, подошёл ко мне, положил дружески руку на плечо, уронил взгляд в землю, сказал:

— Вот и пошевелить нас некому будет. А?..

Ещё больше удивился я, когда, возвращаясь с похорон, увидел на крыльце дома сторбленную, притихшую Дену. На её лице, в канавках морщин, лежали сухие слёзы.

— Что плачешь, бабка? — сказал я. — Ругаться не с кем будет?

— Ты на старуху не обижайся, — встрепенулась Дена. — За старухой век. Мне есть куда оглянуться.

— Вот и пойми вас, — махнул я грустно рукой.

Этим же летом уехал я учиться в лесотехнический техникум. Вернулся в родную деревню только на четвёртый год, на работу в соседний леспромхоз. Защемило сердце, когда увидел я за поворотом дороги кладбище, знакомую зелёную оградку. Толька! Друг мой!..

На окраине деревни встретился мне мальчуган с букетиком цветов.

— Петя, — окликнул я его, — не узнаёшь дядю Васю?

— Дядя Вася! — обрадовался мальчик, заулыбался, подбежал ко мне. — Mamka говорила, что вы с дядей Толей дружили.

— Дружили.

— А ещё мамка говорила, чтобы я дядю Толю не забывал. Это я ему нарвал цветов.

Помолчав, мальчик устремил на меня свои серьёзные глазёнки.

— Я тоже рыбаком буду, как дядя Толя.

Я с нежностью погладил мальчика по голове. В конце улицы показалась бабка Дена. Увидев старушку, мальчик юркнул за мою спину.

— Здравствуйте, бабушка, — поздоровался я.

— Здорово, орёл, — стрельнула по мне бабка цепким взглядом и тотчас перевела его за мою спину.

— Пря-ячешься, озорник... Я вот тебя...

Мальчик крепко ухватился за мою руку.

— В огород вчера лазил ко мне. Огурец стащил самый что ни на есть рослый да спелый. На семена думала оставить его, — опершись на посох, жаловалась Дена. — Ходила вот к его матери... Весь в Анатолия растёт, пострелёнок...

Жизнь шла своим чередом.

СТИХИ

* * *

Я боюсь,
И лес боится
За своих зверей и птиц:
Уж зима, а снега нету,
Снегирей печален свист*.

Вдруг мороз ударит лютый,
Что же делать косачам,
Куропаткам, глухарям?
Их извечное спасенье —
Спать в сугробах по ночам.

Я и кедры в небо смотрим.
Снег, спеши, мы ждём тебя.
С тем уснули.
А проснулись —
Валит снег, кружа, слепя.

Мы почти кричали в лад:
— Здравствуй, милый снегопад!

17–18 декабря 2008

* Снегири не чирикают, как пишут некоторые писатели-прозаики. Снегири посвистывают, и звуки эти, кстати, печальны.

На каникулы

Закутанный в тулуп, сажу
В кошёвке на душистом сене.
Молчит пушистый тёмный лес.
Да скоро ли моё селенье?

Лошадка медленно идёт,
Она в сонливость явно впала.
Вдруг дикий хохот нас накрыл,
Мне до озноба жутко стало.

«Не бойся, детка, — слышу я
Насмешливый басок возницы, —
Пугает Филька — чёрт лесной,
Ему ночами-то не спится».

Дорога лунная скрипит.
Деревья сонные вздыхают.
Ждут мама с бабушкой меня,
Они давно по мне скучают.

Возница весел: «Вот и мы
В столице глухаринной нашей.
Она, поверь, по всем статьям
Зимой Москвы туманной краше».

Багряны в избах огоньки.
Курятся трубы, пахнет дымом.
С кошёвки падаю в сугроб,
Потом влетаю в дом родимый.

В предновогоднюю ночь

Мороз дыханьем сосны колет,
Знобит в сугробе косача.
Не выходите, люди, в поле
По лихости и сгоряча.

Сейчас в лесу свои порядки,
У озера свои права.
Играет стая волчья в прятки,
Звучат гортанные слова.

Хохочет филин в чаще тёмной —
Ночной концерт весельчака.
А Дед Мороз метлой огромной
Метёт на озере снега.

Подарит он каток зайчатам,
Устроит шумный хоровод.
И будут рыбы пляске рады,
Им видно всё
сквозь чистый лёд.

ФЛЕЙТА И БОЛГИ ЗОВЁТ

* * *

Сыновьям Илье, Ивану

Небо зелёное над кедрочами,
Музыка звёзд и ветвей.
Что ещё надо!
Я с вами, я с вами,
Кедры моих сыновей.

В Храме твоём отдыхаю, природа,
От суеты и забот.
Неразделимы мечта и свобода,
Мысли заветной полёт.

1980

Январское состояние

Сосны стонут от мороза.
Кедры, как медведь, храпят.
И везде в лесу снежинки,
Как фонарики, горят.

Косачи из-под сугробов
Вылетают: фур-р да фур-р.
Из пихтового навеса
Волк глядит на них вприщур.

Только дятел по привычке —
Тук и тук — выходит трель,
Словно некто в час студёный
Запустил в работу дрель.

Даже он угомонился,
Отошёл в дупле ко сну.
Дед Мороз идёт тихонько,
Уважая тишину.

6 февраля 2009

Ночная выюга

Дом отцовский смотрит в поле,
К кедрачу спиной стоит.
Для метелей здесь раздолье,
Дик тогда у поля вид.
И сейчас я снова слышу
Вой, угрозы за окном.
Но прочна у дома крыша,
Что нависла над крыльцом.
Спит родня, и, слава богу,
Я за их покой молю.
Ради них любовь к дороге
Видом бури утолю.
Выхожу к ней —
Снег и хохот
Ослепили мне лицо.
Видно, крутит чёрт, как робот,
Этой бури колесо.
Неподвластный снежной силе,
Я не ухожу назло.
Сердцем чувствую, что в мире
Надо мною рассвело.

27–30 ноября 2008

Лук

(для детской игры)

Если ты имеешь лук —
Он тебе надёжный друг.
Рядом с ним всегда колчан,
В спутники природой дан.
В нём десяток точных стрел,
С ними ты невольно смел.
Вдруг нагрянет зверь лихой —
Отпугнёшь его стрелой.
Коршун хочет взять цыплят
Возле дома. И опять
Ты грозишь ему стрелой —
Коршун с глаз твоих долой.

А теперь, как в том сказанье,
Выйдем мы на состязанье.

Фейта и болги зовёт

Я тебя к себе зову,
Каждый взял свою стрелу,
Каждый тетиву напруг,
Словно в поле зренья враг.
Взмыли в небо две стрелы,
Скрылись в дымке синевы.
Ждём возврата. Стрел всё нет.
Улыбается рассвет.

Рядом с нами Петя, Саня,
Гриша, забияка Таня.
Смотрят в небо, боль в глазах,
Но... ни звука в небесах.
Я смотрю, и смотрит друг,
Каждый опустил свой лук.
Где же стрелы? Почему
Нет их, тоже не пойму.
Что за шутки бытия?

— Вон они! — воскликнул я.
Крыша моего амбара
Две стрелы в себе держала.

11–12 августа 2008

* * *

Есть поле овса.
Есть малинник.
В них лакомка —
Бурый медведь.
И в случае этом, поверьте,
Вам можно на Мишку глядеть.
Я сам засмотрелся однажды
На Мишку, ещё пацаном.
Ходил он на лапах на задних
И наслаждался овсом.
Казался он дедушкой с печки —
Такой благодушный, смешной.
Он шёл...
Он ко мне повернулся —
От страха рванул я домой.

Я дважды ещё с ним встречался
На скромном житейском пути.
Хотя он меня не боялся,
Сторонкой смекал обойти.
Следил он за мной издалёка,
Порою качал головой.
Он ищет покоя в дороге,
Морозной зимою в берлоге.
Дадим ли ему мы покой?..

9–10 января 2009

Флейта и болги зовёт

* * *

У веток лиственниц священных,
У веток кедров вековых
Я слушал птиц таёжных пенье,
Постичь пытался звуки их.

Глухарь поёт всегда забавно,
Смолкает вдруг,
звук затая.

И, оглянувшись, птица странно
Тогда глядела на меня.

Я замирал.

И птица древом
Меня считала в этот миг.
И снова начинала смело
Менять движенья, звуки, лик.

Недолго длился лад рассвета —
Нежданно ухнул бурелом...
Есть гром живительной природы,
Есть у людей смертельный гром.

26–27 марта 2009

Танцуют ели

Налетают порывы метели,
Начинают вальсировать ели.
Словно бал, словно дамы знакомы,
Потому и понятны поклоны.
Веселы, музыкальны порывы,
Даже белки сейчас не пугливы.
Их глаза от восторга сияют,
Ведь на крыльях мелодий летают.
Розоваты рассветные ветки,
Вместе с ветками кружатся белки.
Всё сильнее порывы метели —
И азартней вальсируют ели.
Не понять нам мелодий мгновенных.
Чьи они? Может, Глинки? Шопена?..
Ели кружатся, кружатся ели.
Как щедры небеса на метели!

17 ноября 2011

© A. M. Mojib

Цвета снега

Пушистый, нежно-белый,
Снег сыпался с небес.
И, улыбаясь белкам,
Укутывал он лес.

Имел он цвет небесный,
Его белее нет.
Обрёл он в час рассветный
Чуть розоватый цвет.

Сиял он в полдень ярко
От солнечных лучей,
Он принимал подарки
От веток, от зверей.

И в снеге не осталось
Небесной белизны.
В нём золото сияло
В час лунной тишины.

9–1 февраля 2013

В стужу январскую

Деревья спят.
Оцепенели
От стужи лютой кедры, ели.
В лесу ни шороха, ни звука,
И это — благодная мука,
Идёт рождение стихов
Для глухарей и для скворцов.
Ночами пишет тишина,
Сто сказок вновь таит она.

Ушли в снега большие птицы,
Над косачами снег искрится.
Таятся в чутких дуплах белки.
Снегами скованные ветки
Мерцают белкам изнутри,
Как махонькие фонари.
Мерцанье гаснет от зари.

19–22 января 2013

Смех снега

Снег смеётся.
Стонет ветка,
Снег летит в сугроб от ветра.
Этот ветер жил у моря.
В наши снежные просторы
Он примчался.
Всюду стужа.
Ветер на опушках кружит
И трясёт седые ели.
Снег летит — он знак метели.
Снег смеётся, ели — тоже,
Как сейчас они пригожи!

10 декабря 2012

Осень

Где осень-яркоглазка,
Где жёлтый моховик —
Там сочиняет сказки
Весёлый лесовик.

В звоночках свиристелей
Рябинушка моя.
В ладоши хлопнут ели —
И сыплется хвоя.

Я этот воздух пряный
Беру, поверьте, в горсть.
Я в далях хвойных званый,
Всегда желанный гость.

Мартовский ручей

Вода в логу уже проснулась,
Так просыпаются цветы.
Вершинам кедров улыбнулась

И песня родилась воды.
И эта песня разбудила
Поутру зайца-русака,
И сразу стала ива милой,
Даря ручью свои снега.
На звон ручья медведь очнулся

Ах, этих вёсен канитель!
На правый бок перевернулся,
И снова шумно захрапел.
Ручей бежал, смеясь, ликуя,
Как вставший на ноги малыш.
Его напутствовала Туя*:
«Ты будешь радовать Иртыш».

Лога

Лога красивы в кедраче
В любое время,
и апрель
В ручьях разводит акварель.

По дну логов ревёт поток,
Пугая сов, бурундуков
И даже грозных барсуков.

О майском чуде знают все:
Лога желты от облаков,
Калужниц и первоцветов.

Июнь. Душисто и бело:
Цветёт черёмуха в логах
И на семи святых холмах.

Июль аккордами богат:
Гремит орган цветных небес,
И жмурится от молний лес.

А в сентябре кедровник — рай:
Грибы, бруснику собирай.
И шишки сыплются кругом,
Лога —
под голубым дождём.

Сентябрь 2012

* Туя (манс.) — весна.

Молва рыбака

*В Нефтеюганском районе
есть речка Шиш — глухое,
но интересное место.*

На речке Шиш,
Где вечно тишь,
Я взял на крюк однажды сома.
Он метра три,
Ей-богу, Гриш,
Хотя и рыбина скромна.
Держу багор,
А сом, как бык,
Стоит усатая громада.
Я, Гриша, к чудесам привык,
Но этот сом — души отрада.
Смекаю, как его домой
В живой исправности доставить,
Чтоб каждый мне сказал: герой,
Достоин ты российской славы.
В село водой привёл его,
Меня спасло моё терпенье.
Народ увидел... ё-моё! —
И началось столпотворенье.
С минуты той — в почёте я,
В газетах пишут постоянно.
Есть даже, Гриша, про меня
Статейка в книге иностранной.

Игры

Внукам Славику, Никите

Детства игры вечные —
Городки, лапта.
Игры деревенские —
Ловкость, красота.

Луг ночной, сияние
Золотой реки.
Кони. Скачки ранние
Наперегонки.

Вволю наиграемся
В пряталки в леске,
А потом купаемся,
Млеем на песке.

Но уже скакалки,
Бабки* всех зовут.
Нам себя не жалко,
Игры — милый труд.

В сумерках кончаются
Игры пацанов,
Снова начинаются
С пеньем петухов.

* *Бабка* — кость сустава ноги у животного, она употребляется для игры.

Опята

Словно шустрые ребята,
Хоровод ведут опята.
Конопаты,
Рыжеваты,
Пню берёзовому рады.
Дружно, ловко обнялись,
Закричали: «Пень, кружись!»
Пень свою имеет хватку,
Пляшет он всегда вприсядку.

Белки смотрят сверху вниз:
«Круг у вас хороший».
А с поляны зоркий Лис
Хлопает в ладоши.
Сам, хитрец, уже смекает,
Как грибы забрать быстреей.
Но медведь ему мешает,
Смотрит грозно — мол, не смей...
Знает Мишка, что опята
В зимы — беличья услада.

8–10 сентября 2008

Метель

В начале зим всегда метельно
У нашей Каменной горы*.
Метель — явление Вселенной —
Сметает вехи и костры.

В глазах туман, гора кружится
В порывах ветра, в снежной мгле.
И счастлива любая птица,
Заране спрятавшись в дупле.

Позамело дороги-тропы,
Везде сыпучие сугробы.
Заимки** наши словно в нише***,
Снега над ними выше крыши.

В ночи гудит, свистит и воеет
Симфония недобрых сил.
Во сне мечтал я о покое,
Наверно, с небом говорил.

* Недалеко от нашей деревни у озера Туман простиралась высокая каменистая круча. Ее называли Каменной горой (прим. авт.).

** *Заимка* — жилая избушка охотника или рыбака в тайге.

*** *Ниша* — всякое углубление, образуемое кем-то или чем-то.

В предзимнем бору

Помню — кедровник священный
Я посетил в октябре.
Встретился поползень скромный,
Что-то нашёл он в коре.
В шубке — по времени пегой —
Белка стыдилась себя,
Пряталась,
 пела о снеге,
Зиму в кедрач торопя.
Шишки последние с веток
Падали в пепел хвои,
И, благодарны за это,
Мчались к ним бурундуки.

Я не сторонний, не лишний
В нашем старинном бору.
Самую рыжую шишку
Ласково в руки беру.
Вместе с лесными жильцами
Завтрак на взгорке делю.
Стае печальной над нами
В мае вернуться велю.

10–12 февраля 2009

* * *

Скрипит мороз и воют ветры
Туманной обской стороны.
Трещит кора столетних кедров,
Они бесстрашия полны.

А Дед Мороз студёной ночью
Рыбачит возле полыньи.
Живёт в заимке, между прочим,
Угодья у него свои.

Все птицы, звери — в дуплах, норах,
В снегах законного жилья.
Над ними звёзды разговоры
Ведут, жалея и любя.

7 января 2011

Слово к ягодику

Кто быстрее наберёт
Рдяную морошку?
В этом деле прояви
Знание и сноровку.

Пожелтела, будто мёд,
Спелая морошка.
Вся растает, словно снег,
У тебя в лукошке.

Голубику в срок возьми,
Как она пригожа!
Осыпается сама,
Долго ждать не может.

А с брусникой не спеши,
Потерпи немножко,
Пусть под иней попадёт
Прежде, чем в лукошко.

Каждой ягоде — свой срок
И даренье людям.
И природе много раз
Благодарны будем.

14–15 августа 2008

Костяника

Мы о ягоде этой забыли,
Но пора просветленья пришла.
Там, где феи весёлые жили, —
Ты растёшь — и красна, и свежа.

У поляны ветвистые ели
Ввысь взметнули антенны вершин.
Пламенеют по осени смело,
Греют ягоду ветви осин.

Любят рябчики, сойки, глухарки
Костянику,

она им мила.

Пирожки с костяникою жаркой —
Украшенье любого стола.

Я прошёл по тайге километры
К костянике, —

дружок мой, встречай.

Для тебя улыбаются ветры,

Для тебя —

мой отменнейший чай.

1–3 января 2006

Мокрый снег

Он на ветках сосен тает,
Белок в дуплах удивляет.
Те глазают, вереща,
Беспокоится душа:
Глушит снег лесные звуки:
Крик оленей, дятла стуки.
Воздух в снежной карусели —
Это отзвуки метели.
Снег пушистый, крупный, сочный,
В мире всё сейчас непрочно:
Тают крыши и заборы,
И антенны, и соборы.
Но пришёл с небес мороз,
Он спасение принёс —
Стихло снежное круженье,
Звёзды вспыхнули мгновенно.
И костёр разжёл закат,
Вновь настал в природе лад.

17 января 2007

Грибная ночь

*Знакомые украинцы рассказали
мне, что они берут грибы ночами.
Их полные корзины и ведра не идут
ни в какое сравнение с урожаем
дневных грибников.*

Если бор сквозной и чистый —
Лучше ночью брать грибы,
Их фонариком лучистым
Освещая у тропы.
Белый гриб возник неожиданно,
Он пришёл ко мне, как друг.
Собрала волнушка тайно
На поляну семь подруг.
И гороховик явился,
Чистым золотом светился —
Нежный, жёлтый, озорной.
Здравствуй, груздь мой золотой!
Подосиновик краснеет,
Он к себе меня зовёт.
А заря над лесом рдеет,
Кончился лесной поход.
Полное грибов лукошко
Привечай, моя дорожка.

21 августа — 2 сентября 2008

Рождение души

Внучке Маргарите

Маргуше годик с половиной.

Восторга в ней —

на целый дом.

Смеётся звонко и невинно —

И за окошком стихнул гром.

Ему, наверно, стало стыдно

За голос свой, за шумных всех,

Кто заглушает безобидный,

Доверчивый, счастливый смех.

И сам я сердцем понимаю —

Мы за неё в ответе все.

Маргушу нежно поднимаю —

Как будто к утренней звезде.

Она к плечу прижалась грустно,

Глаза зажмурила, дрожа.

И вдруг заплакала беззвучно —

Так родилась её душа.

21 мая 2006

* * *

Белке надо в дождь скакать
С веточки на ветку,
Любит капли целовать —
Мол, спасибо лету.

Рыжий хвост то тут, то там,
Как огонь, пылает.
И в траве, и по кустам
В пряталки играет.

И завидует желна
Белке: скачет лихо.
Но в дупло своё она
С веток сходит тихо.

Дождь от белки убежал,
Вслед летит синица.
Над рекой, где краснотал,
Радуга повисла.

13 декабря 2009

Поговори с подснежником

Два селенья. И дорога.
Из берёз и сосен лес.
И подснежники апреля
Ты найдёшь сегодня здесь.

Снег последний серебристый,
У деревьев свежий лик.
Вдруг подснежник удивлённый
За берёзою возник.

Белолицый и невинный,
Словно в сказке озорной,
Улыбнётся он и скажет:
«Ты поговори со мной...»

7 декабря 2009

После ночного дождя

Сыну Ване

Утро звонкое. Тропинка.
Вьётся, кружит паутинка.
Вот вам и хрустальный диск
Между ветками повис.

Миллионная дождинка
Круг замкнула и цветёт.
Паутинка, как пластинка,
Между ветками поёт.

ФЛЕЙТА И БОЛГИ ЗОВЁТ

* * *

Нельзя тайге без комаров.
И вот в рыбацьем стане
К дежурству дымокур готов,
Он — родственник тумана.
Он кружит, гонит комаров,
Весёлый от заботы,
Их птицы ждут в тени кустов,
Их ждут речные воды.
Нуд комариный горячит,
Нас делает шустрее.
Мы ловим карасей в ночи,
Улов всегда щедрее.
И ветер, и лучи зари
Творят лесное чудо.
— Куда же делись комары? —
Смеются утром люди.

14–15 июня 2009

И видит орлан...

*Котову Гелию Николаевичу,
старшему егерю Елизаровского заказника*

В заказнике праздничный гам.
Вернулись домой турухтаны,
Нарядны они, словно ханы,
У них кружевные кафтаны.
Но смотрит сурово орлан.
Не знает орлан суеты.
Привычно его отчужденье.
Ветла и гнездо — как именье,
Здесь выросло пять поколений
Для жизни
и для высоты.

По-царски взирает орлан
С высокой ветлы на просторы.
Лебяжий волнуется стан.
Казарки накрыли озёра.
Искра удивленья в глазах
Сверкнула как молния сверху:
В заказник нагрянули стерхи
На танцы в зелёных лугах.
Они грациозны в цветах.
И слышит ночами орлан
Неслыханный в мире орган.

11–12 мая 2004

Заботливый кедр

Другу А. Константинову

Как-то древо-великан
Белку сам к себе позвал:
— Ты, голубушка, бездомна,
Этот факт не по судьбе.
Есть дупло. Оно укромно.
Я дарю его тебе.
Белка звонко рассмеялась:
— Я, старик, тебя пугалась,
Обходила стороной:
Ты суров, и с бородой...
— Что сказать мне? Ты шустра
И по-своему хитра.
Береги, конечно, дни,
И о ближних тоже мни.
Дел хватает. Бурундук
Наскочил вчера на сук.
Глухарю не повезло,
Ранил здорово крыло.
Два ежонка голодны.
Мы помочь им всем должны.
— Я не против, добрый дед, —
Белка молвила в ответ.
Белка делом доказала,
Верным другом кедра стала.

21–22 ноября 2008

Середина лета

На Оби гроза застала,
Стал серчать девятый вал.
Быстро к берегу пристали,
Ближе к яру,
там — привал.
В небе гром катает камни.
Мы — под лодку.
Двое нас,
Эх, чайку бы нам сейчас!
Мы живём всегда с мечтами.
Мой напарник — дядя Петя,
Он — душевная родня.
Говорит он для меня:
— Гром-то в честь середины лета
Будет жахать до обеда.
Так что, внучек, потерпи,
Мы не на валах Оби.
Жалуюсь ему напрасно:
— Дядя, гром гремит ужасно.
— Это в честь середины лета
Бьёт он в бубен свой из меди, —
Дядя тихо говорит.
— Слышь, железом он гремит...
Хлещет дождь меня краски:
Серый, жёлтый, алый цвет,
Этой смене краю нет.
Чу! Наш гром за лес упал —
Горизонт лиловым стал.
Стихнул дождь. Река сияет.
Дядя первым покидает
Нашу лодку, я — за ним.
Мы восторженно глядим.
Всё вокруг благоухает,
На глазах цветёт, играет.

Андрей Тарханов

Южным стал вид нашей карты:
Жёлтый яр — как скалы Ялты.
Обь, как море, изумрудна,
Берега того не видно.
И не глухари —
 павлины
Ходят важно и картинно.
Вон дельфины показались.
Может, нельмы разыгрались?..
Здравствуй, середина лета!
Мы твои сегодня дети.

4–5 января 2006

В снегу

Ель в небеса ушла вершиной.
Как мой глухарь, в снегу таюсь
От вьюги и от холодины,
И за ружьё своё боюсь.
Я ствол укрыл в рукав фуфайки,
От снега надо уберечь.
Дремотно слышу ветра байки
И веток медленную речь.
Они раскинулись широко
Своё значение тая,
Они спасительны от Бога
Для человека и зверья.
Уютно в снежной комнатушке,
А вьюга мечется, свистит.
Ель смотрит сверху добродушно,
Она за непогодой зрит.

Пурга цветастый сон явила:
Лесная фея — лик Весны —
Цветы морошки мне дарила
И говорила, говорила...
Проснулся я от тишины.

26–28 октября 2010

Андрей Тарханов

Оттепель в канун декабря

А в лесу переполох:
Снег растаял всюду.
Снегири вздыхают: «Ох,
Помогите, люди...»
Как помочь-то сможем мы?
Нам за слякоть горько.
Рождены мы для зимы —
Яркой, снежной, звонкой.
Что же видим? Нудный дождь.
От такой погоды
Нас людей, бросает в дрожь:
Множатся заботы.
Мы жалеем всех зверей,
Вас, румяных снегирей,
Вас, печальных глухарей.
Обратились к небу мы:
«Дай же снега, Бог зимы».

17–20 ноября 2008

Зимний покой

Пришёл я к знакомой поляне.
А снегу-то... боже ты мой!
И белка ведёт себя странно:
Следит изумлённо за мной.

Конечно же, есть она хочет,
Сидит высоко на суку.
И станет искать она ночью
Орехи у кедров в снегу.

И даже найдёт она шишки
Под снежной наслойкой тройной.
В дупло унесёт их неслышно,
И снова наступит покой.

Но если метели бывают,
То носятся в поле они.
А здесь, в кедраче, проживают
Сонливые белые дни.

18 февраля 2009

* * *

В кедровнике пленительны опушки.
Одной из них медведь степенно рад.
Сквозь дрему слышит он отсчёт кукушки
И чует княженики аромат.

О снах медведя ведают сороки,
По зверю ходят важности полны.
И бабочки — божественные крохи
Летают, словно охраняя сны.

30 августа 2006

© Moya Zoh

* * *

Странное безмолвие лесов,
Что за ним для путника таится?
Путник да вовек не заботится
Белого молчания снегов.

Вот сугробы высотой с тебя.
Крикни —
и сугробы распахнутся,
Птицы краснобровые взметнутся,
Снегом осыпая и слепя.

Ты ошеломлён,
Ты восхищён:
Птицы вдруг оранжевыми стали
И в сугробы дальние упали,
И открылся красный окоём.

Ты не верь безмолвию лесов.
Ты иди, мой путник, в бор кедровый
По тропинке утренней, лиловой,
И познаешь музыку снегов.

Если грянет снегопад

Белки чуют снегопад,
От волнения дрожат
В шубках новых, нежный мех.
Всё сейчас не для потех,
Даже стихнул елей смех.

Люди зорки на меха,
Люди любят их века.
Потому среди ветвей
Белки скрылись от людей.
В новых шубках в снегопад
Выйдут белки на парад.
Но не все и в том леске,
Где живу я в теремке.

18 октября 2012

Памяти Принца

*30 августа у Вспомогательной больницы
в Ханты-Мансийске погиб кот.
Я узнал в нём бывшего семейного
кота по кличке Принц.*

Чёрный кот на дороге лениво лежал,
Чёрный кот от историй ночных отдыхал.
Верил людям всегда, как ребёнок любой,
Потому безмятежно дремал, озорной.

Красный джип объезжать, уступать не привык.
Ехал прямо...

и люди слышали вскрик.

Красный джип от досады слегка потемнел,
Развернулся и лихо к себе улетел.

Я в больницу спешил,

вскинул взгляд на кота,

Вдруг почувствовал зов от движенья хвоста.

Чёрный, как уголёк.

Кровь.

Да это же Принц!

Хлынул жаркий поток удивления лиц.

Сколько добрых людей!

Кот в пакете уже.

И машина нашлась.

Облегченье душе.

Я участок леченья кота разыскал.

— Усыпил я кота, — врач мне тихо сказал.

Помню Принца:

был чёрным он, как уголёк,

Он сегодня угас,

он навеки далёк.

11 сентября 2012

Рассказы, лирические СТИХИ

Для школьников
старших классов

Рассказы

В озёрном краю (очерк)

Внизу по самый горизонт — на все четыре стороны света — были озёра. Сотни, тысячи больших и малых озёр.

Вот уже тридцать минут летит вертолёт над этим озёрным краем. Невозможно оторвать взгляд — такая необычная красота открылась перед нами. Озёра лепились друг к другу почти вплотную, разделённые узкими полосками бурого мха или голубого ягеля. Виделись сахарные опояски береговых отмелей-пляжей. Это уже смахивало на необычайность: откуда такой белоснежный песок у озёр, рождённых в топях?..

Вертолёт, на котором я летел вместе с вахтой буровиков, высадил нас близ озера с чёрной, как дёготь, водой. Закинув вещмешки за плечи, мы направились к балкам. В спину ударило тугими порывами ветра. Облако песка и сухой хвои, обогнав нас, растаяло в лесу. Вертолёт улетел.

Буровая жила, грохотала. Расцветенная полуденным солнцем, бликами, сияя рыжей кожей металла, она напоминала гигантских размеров произведение искусства, смонтированное, спаянное и вознесённое ввысь талантливymi руками художников.

Десятки буровых повидал я за свою походную корреспондентскую жизнь. Казалось бы, чего

теперь дивиться ими. Однако и по сегодня, при каждой новой встрече с буровой, где-нибудь у чёрта на куличках, куда сама природа, кажется, навсегда заказала путь человеку, испытываешь невольное волнение. Какие-то новые оттенки чувств, мыслей высвечиваются, рождаются в душе. Вот и сейчас, глядя на эту сорокаметровую громадину, рождённую в таинственном озёрном краю, думаешь о вечном поиске человека. Серебряные струи паутин волнуют воздух. И он — будто прошла по реке лёгкая зыбь — едва уловимо колыхнется. Колыхнется и буровая. Как похожа сейчас она на стелу — благодарный знак упорству и мужеству человека в бореньи со стихией.

С буровым мастером Николаем Панфиловичем Скрыбиным мы встретились как старые знакомые. На четырёх таёжных речках скрещивались наши дороги.

— Благодать-то какая! — восторженно развёл он руками. — Озеро озеро питает, озеро озеро кормит. Первый раз такое вижу.. Жалко покидать эти места.

Бригада Скрыбина заканчивала бурение и готовилась к переезду на новую площадь. И у меня нашлось время целиком посвятить себя природе.

Балки стояли на бережке таёжной речки. По ширине — метра четыре от силы — её смело можно назвать ручьём. Но глубь воды и величина щук, добываемых здесь, внушали почтение. И ручей солидно именовали речкой.

Путь речки лежит между двумя сосновыми борами, по небольшой луговине. Манит, зовёт к себе покойным росистым сосняком заречный бор. Как перейти на ту сторону? Луговина топкая, в тёмных, пузырящихся проплешинах среди низкорослой и жесткой осоки. Ступишь — и нога уходит и уходит в жидкую, в маслянистых обводьях, грязь. Бором ухожу километра за три вверх по речке. Спускаюсь к луговине. Здесь она шире, и такая же недоступная. Стою, люблюсь открытым простором, янтарным, с голубой подпалиной хвои сосняком на этом берегу, речкой. В речке играет, бесится щука. Буквально ни на минуту не затихает вода от всплесков. Поодаль озёра. Ближнее из них и питает речку — своё дитя.

Низовье речки суровое, хмурое. Эта хмурость идёт от леса, плотной толпой набегающего с двух сторон на речку и образующего кое-где зелёный свод. И берега здесь выше, особенно левый,

с кедром и сосной. Речка бежит вниз. Под крестовинами завалов. Вода сплошь в листве и хвое. Ударит щука хвостом — разойдутся лист и хвоя, обнажив тёмно-шоколадную проталинку, затем снова сомкнут круг. Тишина.

Перейти на луговую сторону тут, конечно, можно. Но речка вьёт такие замысловатые петли, что становится ясно: до заречного бора дойдёшь — дальше ноги не поволокёшь. Да и деревья, кинутые силой времени на берега — слизкие, ненадёжные.

И здесь, в низовье, природа опять свела речку с озёрами. После крутого поворота речки лес на луговой стороне — березняк и осинник — остались позади. Речка с радостью выбежала на открытый ветрами луг и слилась со встречным на её пути озером, за которым — насколько хватал глаз — простирались владенья его собратьев.

Вечером я поделился своими впечатлениями с Александром Михайловичем Красильниковым, слесарем по оборудованию, человеком бывалым, знающим толк в рыбалке и охоте. Хотелось вызвать его на разговор, на дорожные истории...

— Щука тут — полный хозяин, — охотно поддержал мой

рассказ Александр Михайлович. — Ох и зверь, я тебе скажу. Поймали на днях одну, ножом — чирк, а там ондатра. Повариха наша как увидела — так в кусты... Сети не ставим, нет. Бесполезно. Одни лоскутья останутся. А на жерлицу — само то... Щуки навалом. Век лови — не выловишь. Сам суди: речка-то целую систему озёр соединяет. А они, по всему, щучьи. Вот и расплодилось её. Хозяйствует она... Озёра не ходил смотреть?

— Те, что речка соединяет? — для ясности спросил я.

— К тем не проберёшься. Пробовали... Ты по тропке сходи за буровую. Сначала по левую сторону исследуй, после — по правую. И сравни. Интере-е-сно, я тебе скажу..

Этим советом я и воспользовался. По тропке в свою пору ходили за морошкой, голубикой, а ныне — за клюквой, так что она вполне была торной. Но понятие торности, хоженности, когда дело касается болота, всегда относительно. Под ногами всё равно зыбко, хлюпает вода, остаётся ощущение какой-то неустойчивости. А над всем этим, в воздухе, сладковато-терпкий августовский настой мха, багульника, клюквы, воды.

Озеро, к которому я вышел, было, можно сказать, без берегов. Подушка мха — и только. Когда подушка, спружинив, опускается — кажется вот-вот озеро хлынет массой воды на тебя. Большое, плоское, неудобное, словно забытое живыми существами, оно навевало грусть. И в тон этому, возникшему в сердце настрою, звучали в небесах печальные ноты пролётных гусиных стай. Вода цвета переспелой клюквы — тёмная, с голубым отливом, — дышала холодком. Живность, однако, в озере была и, к моему удивлению, в немалом количестве.

Приглядевшись, я заметил полосатые спинки окуней. Их было много. Они шли и шли. У меня аж зарябило в глазах. А это что промелькнуло крупной серебристой блесной? Язь? Может быть. Второе озеро, огромное, с кольцами мелких, прилепившихся к нему с трёх сторон озерков, встретило меня тихим плеском волны. Буровики Илья Самойлов и Саня Егоров пытали рыбацкую удачу удочкой и блесной. Между ними стояла плоскодонка, наспех, но умело сколоченная из досок.

— Обнаглела рыба, — говорит Илья, — на червя не клюёт.

— Нужен ей твой червяк, — оборачивается к нему Саня, сма-

тывая леску. — Рыба здесь, как дикарь, любит что-нибудь яркое... Видишь в лодке медяшку? Творенье Михаила Фёдоровича... Смотри, какая броская! Привяжи вместо грузила...

Илья смеётся. Однако, поднимает медяшку величиной с пятак и, благо в ней есть и дырочка, прицепляет к крючку. И чудо! — клёв начался. Раз за разом вытаскивает Илья к общей радости шесть чёрно-полосатых красавцев-окуней.

— Есть и у меня! — кричит Саня, осторожно выбирая леску. Щука, а это, конечно, она, кидалась из стороны в сторону. Но Саня умело вёл леску, приучая рыбу к спокойствию. Пора добычу и на берег. Р-раз! — и внушительных размеров щука, килограммов на пять, плюхнулась меж кочек. У неё чёрные, навывкате глаза, толстое, несимметричное тело. Усмиряли мы её вдвоём — я держал, Саня вытаскивал крючок... На буровую мы возвратились с богатой добычей.

На редкость хрустально-ясным выдалось утро моего похода к новой группе озёр. Во всём чувствовалась и виделась девственная обнаженность лесной жизни. Чуть вздрагивала, просыпаясь, хвоя на ветках сосен, и тени ночи

испарялись в воздухе. Старательно точил клюв о смолёвую суковину дятел. Смешно растопырив задние лапки, умывался на пне бурундук.

Первые лучи светила, пронизав бор, выпили росу на хвоинках, на ягеле, и тропа стала ярко-рыжей, а ягель — ярко-голубым. Солнце-дирижёр подало лучами свой волшебный знак — и грянул разноголосый, но стройный хор птичьих голосов. В сосновом бору занялось утро.

Неповторима игра солнечных бликов на воде. Идёт удивительная работа света. Лучи отражаются от воды, как от зеркала, и тогда в воздухе виснут ослепительно-радужные осколки. Они вспыхивают, тают. А на смену им идут всё новые и новые огницы света. А этот луч, поплясав на воде, ушёл вглубь, оставив след — зеркальные, стреляющие золотыми молниями, круги. Я вышел к озеру. Белая, как лебяжье крыло, полоса берега остановила моё внимание. Почему-то сразу вспомнилось о снеге. Красильников говорил, что за три дня до моего приезда здесь прошла снеговая туча с сильным ветром. Гонимая не-

погодой, на свет буровой прилетела стая гусей. Но их встретили выстрелы. Не удержался-таки один человек, не пожалел птицу. А ведь она летела в час беды на огонёк человека...

Песок был не чистой белизны, как думалось издали, а матовый, почти золотого цвета. Мелкий, уплотнённый песок. И вода... родниковой прозрачности. Насколько позволяли мои болотные сапоги, я зашёл в воду. Дно такое же чистое, песчаное, ни одного камешка и... ни одного жучка или какой-нибудь другой живности. Рыба здесь не водится. Об этом мне снова Александр Михайлович поведал. Но почему не водится? Загадка. А ведь красотой это озеро природа не обделила. Наоборот, постаралась. С трёх сторон у него такой вот золотой бережок — пляж. И только с четвёртой, с северной — торфяник. Кругом сосны. Ягельная чистота бора. Уходить отсюда не хотелось, этому противилась душа.

Назавтра я улетел на базу. Звали дела. Прощай, озёрный край! Спасибо за светлые, незабываемые минуты, которые ты радушно подарил мне!

Таксист и артист

Молодой актёр кино Игорь Переплёткин ехал в такси и думал о том, как хорошо быть актёром: всегда на виду, уваженье народа... Захотел — явился вечером в Дом актёра или в Артистическое кафе. Сиди, чувствуй себя хозяином, мэтром, наконец. Пусть тают на тебе завистливые взгляды залётных гостей, этой провинциальной мошкары, постоянно вьющейся около знаменитостей. Конечно, он не знаменит. Но его дебют замечен, о нём говорят. Он ещё покажет себя, он...

— Приехали, господин залётный, — с ноткой насмешливости сказал таксист, — дом 19.

Переплёткин и вправду напоминал господина: важный, напыщенный вид, развалистая поза, ленивые, словно делающие одолжение себе, движенья рук. Однако, такое обращение не понравилось Переплёткину. Он притворно нахмурился.

— Что за тон? Какой я вам господин?!

— Свой оказывается, — скуп улыбнулся таксист. — А я думал Джон или Жак. Но вам, я вижу, тоже на господина хочется походить. Извините, прямо привык говорить.

— Ну, однако... — играл возмущенье Переплёткин, — нашёлся психолог. — Сколько с меня?

— Четыре рубля, плюс полтинник.

— Вот трояк, — рука Переплёткина снова опустилась в карман полушубка. Вскоре на помощь правой руке пришла левая.

— Напрасно кипятитесь, — миролюбиво начал таксист, видимо, имея желанье высказаться. — Везёшь инога нашего расейского и видишь, как ему, бедняге, хочется, чтоб я его за иностранца принял. И слова коверкает, и пальцами прищёлкивает: «Это, я понимаю, отэль?» Ну, не смешно ли?!

— Конечно, конечно, смешно! — сердясь на себя, говорил Переплёткин. — Смешон и я, что не могу найти свою десятку. Блин, да куда же она подевалась?! — И вдруг вспомнил: он же отдал её в кафе гримёру Михаилу Самуиловичу.

Раз клиент безденежный, нечего с ним церемониться, и таксист перешёл на «ты».

— Кончай копошеньё. Время поджигает. Десятка твоя в ресторане буги-вуги отплясывает, а ты её в карманах ищешь.

— Не хаами! — строго, уже насерьёзе, без нарочитости прикрикнул на таксиста актёр. Помолчав, растерянно сказал самому себе: «Что же делать?»

Жил Переплёткин один. Дома денег нет. Это уж он точно знал. Разбудить соседку Варвару Степановну? Но ведь два часа ночи... Жалко тревожить старушку. В это время у неё самый покойный сон.

— Раз нет денег, вещичку какую-нибудь кинь, — предложил таксист. — Шарф у тебя богатый. Доплачу.

— Шарф дарёный. Подарками не кидаются. Слушай, шеф, у меня есть финская зубная паста «Вайт Дент»... Месяц будешь благодарить меня, — голос Перепёлкина повеселел от находчивости. — Сегодня купил в Столешниковом переулке.

— Да на кой мне эта паста?! — возмутился таксист. — Нашёл дурака!

— Чудило! Это же необыкновенная паста! Она пришла к нам из хвойного леса страны Суоми, —

вдохновенно говорил Перепёлкин, бережно держа в руке перед собой небольшую продолговатую коробочку.

Таксист скосил глаза, увидел на коробочке большие красные иностранные буквы «Вайт Дент».

— Дай-ка, посмотрим что за товар.

Таксист прочитал все надписи на русском языке, повертел коробочку так и сяк, даже понюхал её и произнёс:

— А цены нет. Странно. Сколько стоит?

— Да разве в цене дело?! — горячо, с упрёком сказал Переплёткин, принимая коробочку обратно. — Это хвойная паста. Это целебный настой. Говорить о ней в машине просто кощунственно. О ней надо рассказывать под звёздным небом, — и актёр решительно открыл дверцу.

Почуввав неладное, вышел и таксист. Переплёткин встретил его с широко раскинутыми руками, обращёнными к небу.

— Так слушай, таксист. Представь себе трепетно-утренний, росистый хвойный бор. Плечо к плечу стоят деревья, как люди, живые, понимающие связь корней и неба. — Переплёткин глянул на таксиста и понял — первая искра сработала: в глазах его за-

светились огоньки любопытства и удивления. Таксист закурил, смотрел выжидающе.

— На ветках мерцают, лучатся росинки. Да росинки ли это? Это звёзды, улетающие обратно, в недоступные нам просторы. И, облегченные ветки, ты видишь, ссыпают серебристые капли для трав, птиц и зверюшек. — Коробочка в руках Переплёткина то взлетала вверх, то парила, то прижималась к лицу таксиста, волнуя того красными иностранными буквами. — Ветка касается ветки, ветка целует ветку — это привет, это радость, это восторг утреннего бора, это благодаренье солнцу и жизни.

И вдруг лес насторожился. Он услышал звон железа. Это шли люди с пилами и топорами.

— Ну, сейчас тово... другая техника. Я ведь сам работал в леспромхозе, — робко начал таксист. Но коробочка возмущенно подлетела к его носу — и он умолк.

— Да, люди шли с пилами и топорами, — трагическим, упавшим голосом, произнёс Переплёткин. — Они долго выбирали свою первую жертву, и, наконец, остановили свои взгляды на самой красивой, самой стройной ели. С вершины этого

дерева только что снялись облака, и вершина купалась в лёгкой оранжевой дымке. Могучий ствол напряжился, предчувствуя беду. А люди радовались, что они нашли стоящее дерево, радовались своей силе и власти способной погубить всё, что они, люди, пожелают. И тогда один из людей ударил обухом топора по стволу.

— Эх, сколько я, непутёвый, погубил дерёв! — таксист с силой бросил окурок себе под ноги.

— И дрогнул ствол. Стон прошёл по его плоти от корней до макушки. И колыхнулись, затрепетали ветки, — тревожил темень голос Переплёткина.

— Молодец, Петр Васильевич, что махнул на леспромхоз, — похвалил себя таксист, продолжая вторить своим разбуженным мыслям. — Это всё жена: вали да вали, мол, и деньги, как листва, посыплются.

«Вжик, вжик», — заверещала пила, взгрызаясь в дерево. И возроптал, заволновался, загудел возмущённый бор. И опечаленные птицы с криками закружились над умирающей елью.

— Ой, лютовали мы в лесу! — казня себя воспоминаньями, в тон оратору качал головой таксист. — Горы навалим, а увезти —

дорог нет. И гниёт лес, трухой становится.

— И рухнула ель! — возвысил голос Переплёткин. — И опустело в бору. А земля навек потеряла частицу своей красоты.

И замолчал он на минуту, собираясь с духом для продолженья речи.

В этот миг и опомнился, спохватился таксист.

— А время?! — вскинул он к глазам руку. — Господи! Целый час митингуем.

Переплёткин облегчённо вздохнул. Наступила развязка.

Таксист вплотную подошёл к нему, взял его за рукав полушубка, заговорил и благодарно, и просительно:

— Слушай, странный человек. Пора мне. Запозднил. В другой раз дорасскажешь. Увлекательно говоришь, как артист. Встряхнул ты меня. Встряхнул... Н-на! Держи свой трояк, — таксист звучно вложил ладонь своей правой руки в ладонь Переплёткина. — А пасту я возьму, возьму. Коль из хвои, значит, золотая.

Удивлённый таким поворотом дела. Переплёткин молчал, действительно не зная, что сказать таксисту. Тот уже у распахнутой дверцы говорил:

— Ты обязательно найди меня. Пушкарёва спроси, Петра Васильевича. Это тринадцатый таксопарк. Будь здоров.

Такси ушло.

— Ну и пироги... — покачал головой Переплёткин и, разжав ладонь, с грустной улыбкой посмотрел на возвращённую трёшку. Потом обратился к себе с вопросом: «Почему же я о лесе заговорил? Какое отношение паста «Вайт Дент» имеет к хвойному бору? А-а! Ведь у таксиста над лобовым стеклом висела маленькая репродукция с картины Шишкина «Утро в сосновом бору».

Вот откуда родился монолог... Обычно у таксистов красуются тут артистки. А этот Пушкарёв повесил картинку бора. Ай да Пушкарёв! Я обязательно найду тебя, Петр Васильевич. Обязательно».

1990

Младший сын

ама, — писал Сталине Егоровне старший сын Андрей, — пришли мне чего-нибудь домашнего. Ну, шанежек, сахарных дорожников, калачиков сдобных. Осточертела мне эта столовая. Девчонки — повара молоденькие, готовить ничего не умеют. Да и блюда одни и те же каждый день. Так что выручайте, а то сбегу...»

— Не сбежи-ит, — почему-то повеселев, сказала Сталина Егоровна, женщина лет сорока пяти, явно стареющая лицом, но крепкая фигурой. Лицо её хранило сильные следы косметики — припудренное, подкрашенное, подрисованное, и трудно сказать, какое же оно — настоящее.

Письмо Сталина Егоровна читала вдвоём с десятилетним сыном Юрой. Сын, в отличие от матери, посерьёзнул, сказал:

— Скучает, наверно, Андрей. Давай, мама, напекём ему всяких постряпушек и отвезём?

Мать помолчала, вздохнула:

— Доедем до Рябиново, а от туда как? Ноги у меня больные. Дорога там — не приведи бог...

— Там я один доберусь, — решил Юра. — Переночую — и обратно. В обед ты за мной приедешь, а, мам?

— Разве только так, — подумав, согласилась Сталина Егоровна. — Смотри, чтоб в обед был на берегу. Я буду ждать.

— Обязательно, мама.

Разговор этот произошёл в полдень безоблачного июньского дня. Назавтра, на заре, маленькая осинка, подгоняемая лёгким попутным ветром и двумя вёслами, вышла в Туман*.

До Рябиново, заброшенного посёлка, по-здешнему рукой подать — восемь километров. Доехали быстро. Высадив сына на берег и закидав его наказами, Сталина Егоровна отправилась в обратный путь. Юра долго смотрел вслед матери. Ему стало тоскливо. И, чтобы скорее избавиться от этого щемящего неприятного чувства, Юра — с паёвкой за плечами — бегом вышел на таёжную дорогу, глухую,

* Туман — большое озеро.

всю в колдобинах, залитых водой. Деревья тут стояли в три яруса. Возвышаясь над мелколесьем, огромные ели и кедры закрывали небо. Мрачно, сыро и одиноко. Хоть бы пели птицы, и то веселей. Но ни свиста рябчиков, ни стука дятла. Словно вымерло всё живое. Зато комаров — тучи. В угрюмом месте пролегла дорога между Рябиново и Сосновским леспромхозом, где работал бензопильщиком брат Юры. И хотя дорога сплетала всего шестнадцать вёрст, мало охотников находилось на этот путь. Обычно из Юриной деревни в леспромхоз добирались на подвесных моторах кружным путём — через Туман и Чёрную речку, на которой стояло Сосновое. Но у Юры не было мотора, да и будь он — никто бы не отпустил его одного на просторы коварного озера. А этой пешей дорогой Юра уже однажды ходил, правда, вместе с братом. Знакомым путём как никак увереннее шагать.

Брат, кряжистый, округлый, с насмешливыми карими глазами встретил Юру с восторгом. Обнял и всё приговаривал:

— Ну, геро-ой! Ну, молоде-ец! Такой лес одолел. Не боялся?

— Не-е, — смущенный похвалой, тихо сказал Юра.

— Вот и хорошо, — Андрей усадил брата на табурет. — Принёс крендели-калачики?

— Вон, целая паёвка.

Андрей схватил паёвку и, улыбающийся, весёлый, стал доставать, выкладывать на стол домашние яства: пирог из сырка, фаршированную шуку, стряпню.

— Осчастливил ты меня, браток. Осчастливил, — сиял Андрей. — Спасибо.

...Утром, когда ещё Юра спал, Андрей сходил в контору. Вернувшись, разбудил брата:

— Вставай, Юрок. В проводники меня назначили.

— Как... в проводники? — не понял со сна Юра. Потом, взглянув на лицо брата, обрадованно схватил его за руки: — А-а, к Туману проводишь, да?

Андрей взглянул на часы:

— До Сенькиного увала. Времени в обрез, Юра.

Дорогой Андрей рассказывал смешные истории. Юра от души смеялся. Настроение у него было отличное. Да и как иначе: рядом брат, погода ясная, значит мать придет вовремя. А какой подарок несёт он в паёвке! — чёрный костюм к учебному году. И для матери есть сюрприз — дорогое зелёное платье.

Расставаясь, Андрей вдруг нахмурился, сказал:

— Слушай, Юра... Не ходи больше ко мне один. Тут... медведи пошаливают. Договорились?

— Ладно, — потупился Юра.

Мысль о том, что здесь могут быть медведи, ни разу не приходила Юре. И зачем брат напомнил о них. Теперь хошь не хошь, а будешь думать о косолапых.

Туман встретил мальчика ровным плеском волны, свежим и душистым дыханьем синего простора. Вдали летали чайки. Лодки с матерью почему-то не было. «Наверно, рано пришёл», — утешил себя Юра, оглядывая берег, в надежде найти обдуваемое со всех сторон место — спасенье от комаров. О, счастье! — он увидел в воде старую, видно, недавно упавшую с обрыва, сосну. Она покоилась на высоких сучьях-подставках. «Тут и вздремнуть можно», — подумал Юра. Он спрятал паёвку в корневище, с фуфайкой в руке взобрался на ствол. Пристроив фуфайку под голову, мальчик удобно улегся в вершине дерева — в своеобразном пологе из сучьев и веток. И уснул.

Проснулся Юра от чувства смутной тревоги — словно кто-то толкнул его. Он испуганно поднял голову, огляделся. Под ним, набирая силу, шумели волны.

— Мама, я здесь! — закричал Юра.

Берег молчал. Юра схватил фуфайку, пробежав по стволу, спрыгнул на песок. Лодки не было. «Где же мама? Что с ней?» — с тревогой и наплывающим страхом спраши-

вал он себя, вглядываясь в далёкий, еле видимый мыс, за которым была его деревня.

Странная, настороженная тишина стояла над Туманом. Чайки, как в воду канули. Молчал, притаившись, лес.

Позади Юры громыхнул гром — глухо и вяло. Мальчик оглянулся. С запада, из-за Тумана, закрывая небо, медленно надвигалась чёрная туча. По спине мальчика пробежали холодные мурашки. «Гроза. Что же делать?»

— Мама, мама, что с тобой? Где же ты?! — снова закричал Юра. Слезы страха, обиды и жалости подступили к горлу. Гулкий раскат грома словно облил Юру холодной водой. «Что же делать? Что делать?» И пришло упрямое и ясное решение: «Пойду пешком. Чёрт с ними, с речками».

Дело в том, что от Рябиново до Юриной деревни пеший путь всё-таки был. Но три глубоких, хотя и небольших речки, которые пересекали эту дорогу, практически закрывали её для пешеходов весной и летом. Речки впадали в Туман. Они-то и стали теперь опасной преградой к дому. Юра ловко и быстро соорудил маленький плотик — ивовыми ветками связал три доски. Положил на них одежду, паёвку — и поплыл. Первая речка шириной метров двадцать, от силы. Толкая

перед собой плотик, Юра довольно легко одолел её. Наспех одевшись, закинул паёвку за плечи, побежал что есть сил. Гром торопил мальчика. Туча, закрыв полнеба, посерела.

Вторая речка встретила Юру суматошным криком ворон. Не по себе стало ему от этого гама.

— Чего раскричались?! Без вас тошно! — крикнул Юра, бодря себя. — Кыш, проклятые!

Вода была здесь чёрной до жути. Мальчик старался не смотреть на неё. «Берег, берег!» — вот что звали глаза, руки, ноги — каждая клеточка тела.

Сойдя на берег, пошатываясь от усталости и напряжения, Юра окинул взглядом туман. Воды его были в шапках снега — кипящей пене. Завывал ветер. Свирепел гром. Юра, мокрый, задыхаясь, бежал и бежал.

Метров на сто разлилась третья речка. Обычно, на этом, Юрином берегу, стояла лодка. Сколько помнит Юра, она всегда была тут, словно навек причаленная к двум красным соснам. Вон и сосны. Где же лодка? Лодка стояла на той стороне. Без неё разве одолеешь такую ширь? Юра заплакал. Слезы так и хлынули из его глаз, видно много их накопилось в душе мальчика за этот короткий путь.

Гром сдвинул тучи над головой. Капли дождя смешались со

слезами Юры. «Но где же мама? Куда она подевалась?.. А вдруг что-то случилось с ней? — страх искрой пробежал по спине мальчика. — А если сплавать за лодкой?.. Доплыву, доплыву, — неожиданные злость и решимость охватили Юру». И вдруг он увидел у лодки человека. Человек, а это была женщина, старался столкнуть грузную лодку в воду. Да это же... «Мама! Мама! — отчаянно закричал Юра, — я здесь!» Лодка, наконец, стронулась. Мать прыгнула в лодку, крикнула: «Жди меня!» — и стала быстро грести веслом.

А гроза разбушевалась во всю свою молодую яростную силу. Гром ревел, как медведь. Дождь лил потоками. Но два человека в этой стихии — мать и сын — нашли друг друга, и ярость грозы уже не пугала их. Невидимые токи радости, исходящие из их сердец, сейчас были сильнее любой грозы в мире.

Юра, дрожащими от волнения руками, принял борт лодки и, плача, прильнул к матери. Та, тоже плача, обнимала, целовала и все говорила: «Юра, Юра, сынок, милый, прости... Я задержалась... Садись скорей в лодку...»

В деревню они прибежали мокрые и счастливые. Глаза их сияли. Гром ухал отдаленно. Из-за туч показалось ликующее солнце.

© M. J. 2006

СТИХИ

Е.А. Мухоморова

Лосиха

Ярко-жёлтая лосиха
Посреди травы зелёной.
Белый ветер, ахнув, стихнул.
Ива смотрит удивлённо.

Шебутные турухтаны*
Присмирели —
 что за диво! —
Этот зверь громадный, странный
Неужели их красивей?

Белой ночью всюду тихо.
Караси таятся в иле.
Ярко-жёлтая лосиха
Ждёт явления светила.

4 февраля 1996

* *Турухтан* — кулик с кружевным опереньем на голове.

В дачном саду

Должно звучать так:
В саду растёт боярышник,
Растёт он широко.
Две ели, словно барышни, —
Глазеют на него.
И шепчутся везучие,
У них нарядный вид:
«Пугает он колючками,
На жадных птиц сердит.»
Внимательная старшая
Ведёт такую речь:
«Какая доля важная —
Свой урожай сберечь...»
И говорит боярышник
Двум елям — шустрим барышням:
«Сберег я дар ветвей
Для маленьких детей».

11 сентября 2009

Будни сентября

Берёза седеет, как мама
Седела от писем с войны.
Берёза белеет в тумане
Над кручей речной тишины.

И вижу у кручи девчонку,
Приникшую к дереву плечом.
И стан её милый и тонкий,
И руку с лиловым платком.

Последний комар отогрелся
На жилке горячей листа.
На девушку он загляделся,
Своя у бедняги беда.

Последняя стая взлетела,
И девушка машет платком.
И мне улыбнулась несмело,
Мы в мире остались вдвоём.

15 сентября 2008

О зависти

О зависть! — спутник человека,
Его нелепая черта,
Его бездумная утеха
И привнесённая беда.
Вот человек... тишайший, вроде,
Он не хапуга и не мот.
Но зависть в сердце колобродит,
Ему покоя не даёт.

И пишет он тогда доносы,
Чтоб злое чувство утолить.
Людей невинных льются слёзы,
Им стало горше в мире жить.

О эта зависть, зависть труса,
И карьериста, и ханжи!
Она с назойливостью гнуса
Кружит над радостью души...

Я с человеком благородным
Готов и петь, и хлеб растить.
Мы с ним без зависти свободно
Живём,
и долго будем жить.

Берёза любви

*В лесном парке в одном из санаториев
Омской области есть берёза любви.
Какую же любовь уготовили ей люди?*

Она действительно красива:
Бела, по-девичьи мила,
Богата ветками, как ива,
Над бором крону вознесла.
И парами, и в одиночку
Влюбленные спешат,
 чтоб строчку
Признаний пылких при костре
Ножом оставить на коре.
«Люблю тебя смертельно, Аня!» —
Клянется друг ее Толян.
«Умру с тобой, Серёжа! — Яна.
Я раб твой, Лена, — раб Степан!..»
Смешные клятвы, покаянья —
В кору впечатаны они.
И в небе от таких признаний
Бледнеют звёздные огни.
И только девочка-подросток
Сюда с надеждою пришла.
Она, доверчивая гостья,
Берёзу тихо обняла.
Она всплакнула от незнанья
Житейских нравов, бурь, страстей,
Впервые горькие страданья
Испытывая за людей.

29 октября — 8 ноября 2007

Твой облик взяли паруса

*Поэту красивого мира —
мадьярке Анне Беде*

Ты родилась у Балатона.
Ты видела,
я это знал,
Как в струи тихого затона
На отдых парус приплывал.

И два матроса загорелых,
На шеях алые платки,
Смеялись гордо,
песни пели,
Читали Петефи* стихи.

Ты хлопала в ладоши звонко,
Так капли падают с весла.
Была ты вся струною тонкой,
Твой облик взяли паруса.

19 января 2013

* *Шандор Петефи* — знаменитый венгерский поэт.

Вороньи дела

Каждый славится делами:
Чайки ловят рыбу днями,
Любит Шарик коз пасти,
Хочет коршун клад найти.

Есть чем хвастаться воронам
О своих делах нескромных.
Говорит ворона старше
Молодой своей товарке:
— Семь яиц утиных съела
И, как видишь, потолстела.
— Ну, а я, коль захочу, —
Всех сорок перекричу.

Взгляд у старшей явно свой
На порядок мировой:
— Дурней не перекричать,
Их талант шуметь, кричать.
Птицы, люди — все равны,
Все болтливостью больны.
И пора, товарка, знать —
Мир к разладу тянется.
Будем скоро собирать
Золотые яйца.

28–31 мая 2008

Божье воскресенье

У веток лиственниц священных,
У веток кедров вековых
Я слушал птиц апрельских пенье,
Познать стремился звуки их.
Порой на Пасху льды звенели,
Стоял над речкой гром и стон.
Скворцы вокруг так чудно пели,
Играл огнями горизонт.

Сияет бабушка Матрёна,
Она божнице шлёт поклоны.
И мама пироги печёт
И всю семью за стол зовёт.
Но только папы с нами нет,
На фронте бережёт рассвет.
Фашистов он молчать заставил,
Чтоб хор небесный Пасху славил.
Молчали пушки, самолёты,
Глядели молча в небо роты...
Сегодня Божье воскресенье,
В природе, у людей даренье
Яиц цветастых, куличей
И песен первых лебедей.

1 марта 2009

Поэт

Вадиму Кузнецову

Голубичник краем поля
От дождя в сосняк бежит.
А поэт —
 такая доля —
У берёзы чутко спит.
Спит устало и тревожно,
Словно воин, на меже.
И стихи —
 вполне возможно —
Зреют в этот час в душе.
Он проснётся, отряхнётся
От дождинок и листвы,
И берёзе улыбнётся —
Сын Природы, сын молвы.
Нелегка его дорога,
Будет он шагать всю ночь.
Он спешит на зов народа,
Чтоб обиженным помочь.

О любви

Ночные рябины, ночные рябины,
О чём вы грустите, скажите о чём?
У девочки Нины, у девочки Нины
Пылает в глазах золотой окоём.
Она, словно берег желанный и близкий,
Который в грядущем приветит, поймёт,
И душу свою распахнёт по-русски,
Когда её взрослое время придёт.
Она, озорная, нежна и пуглива,
И мысли смешные у ней о любви.
Она для мальчишки невинно красива,
Он будет смотреть на неё до зари.
Но грянет минута —
увидит впервые
По-женски внимательный
девочки взгляд.
Он встретится с ней, где рябины ночные
О судьбах людских меж собой говорят.
Рябины поведают им,
как девчонки
Здесь плакали, клятвы давая свои.
Потом приходили с другими
и звонко
Смеялись над клятвами первой любви.
Расскажут рябины светло, как седые
Сюда приходили мужчины,
они
Просили прощенья.
Укоры немые
Суровое время на ветках хранит.
И Нина подарит то вечное слово,
И сразу на небе родится звезда.
«Ах, милый, на всё для тебя я готова!
Давай, не расстанемся мы никогда?!»

Флейта иволги зовёт

* * *

Капризны в жизни нашей вёсны.
Ты на деревья посмотри:
За ночь седыми стали сосны,
И побелели снегири.

Метель и утром не утихла,
Над лесом кружится она.
Синицы спрятались от лиха,
В испуге мечется желна.

Она от головокруженья
В ненужный столб стучит, стучит.
Олень с понятным сожаленьем
За ней внимательно следит.

И в мире человека то же:
В дни бури — море суеты...
Нам вечно не хватает, Боже,
Красивой воли от беды.

2004

Гармония

Природа сегодня сама
Зовёт —
В небе гуси заплакали.
Иду я смотреть терема,
Дворцы из оленьего ягеля.

Сторожко иду,
Будто зверь,
Ансамблем дворца розоватого.
Вдруг вырос в бору Гулливер —
Увидел я близко сохатого.

С расщепленным рогом-дуплом
Из мира горячего, грубого
Пришёл он —
Гармонии гром,
Явление чуда минутного.

В феврале

Лес обновился от метелей:
Берёзы в бисерных платках,
И кедры в балахонах белых
Скрывают белок в рукавах,
Когда буран метёт и воет,
И кручи рек обнажены...
Мне снится в это время море,
Целебный плеск его волны.

18 февраля 2011

Дороги геодезиста

Жара в бору стоит такая —
Кора деревьев пальцы жжёт.
Ведро воды,
Как зверь, лакая,
Сейчас бы выпил.
Сушит рот.
И сапоги мои — два пуда,
И горше каждая минута.
Живу сейчас одной заботой:
Вода, водица мне нужна,
Речушки высохли до дна.
На помощь мне приди, болото.
Всё реже, реже бор сосновый,
И вот он — кочек сонный рай.
И среди них — овал лиловый.
Вода!
Болото, каплю дай!
Вода глубинная, живая,
Природы дух и сила в ней:
Вода в болоте ключевая —
Настой морошковых корней,
В ней аромат твой, голубица.
Спешу, спешу воды напиться.

И горным кручам сердце радо,
В петлице эдельвейс несу.
Пески пустыни в час заката
Напоминают мне лису.
Благословенные дороги,
У вас покоя не прошу.
И, видимо, по воле Бога
Я часто в небеса гляжу.

Я чувствую небо

*Человеку необходимо иметь своё
чувство неба. Оно даёт человеку
озарение, целеустремленное
восприятие мироустройства.*

Лежал я в детстве на яру,
Глядел, волнуясь, в синеву.
Там, высоко, орёл парил,
Он явно с небом говорил.

К нему я волю устремил,
Он место в небе уступил.
Звезду узрил я в синеве,
Увидел муравья в траве.

Соединило небо нас:
Звезду, плывущую на связь,
Орла парящего, меня
И следопыта-муравья.

20 октября 2011

Старый кедр

Кедр одиноко
Завис над водой,
В тёплые струи
Уйдя бородой.
Ею играет
Тихоня-карась.
Кедр бороною
Мотает, сердясь.
Только не сможет
Он рыбу унять,
Бороду грозно
И важно поднять.
Так и висит он
Над тихой водой —
Жилистый старец
С густой бородой.

Утро марта

В природе нет чуднее марта —
Его ночей,
его свечей,
Пылающих на зорьке ярко
С небес
и с голубых ветвей.

У марта все нюансы красок
И звуков
в дебрях, на снегу..
Скользит, постанывая, ласка*,
И косачи шаманский танец
Отплясывают на току.

Искристым метеором соболь
Летит в кедровый окоём.
Светило светится особым
Лилово-розовым огнём.

Мне дарят кроны, словно флейты,
Мотивы милые мои.
И слышу шёпот —
это феи —
Они посланницы любви.

5–6 октября 2003

* *Ласка* — небольшой пушистый зверёк с белым гибким телом.

* * *

Из детства шлѐшь улыбку мне.
А детство где?
В какой стране?
Оно находится во сне.

Фейта и болги зовёт

* * *

Весь мир театр, а люди в нём актёры.

Шекспир

Мы роль себе не выбираем,
Определяет роль Судьба.
Пока же в пряталки играем,
Особенно влечёт лапта.

Закат погас. Игра вслепую.
И кто сердце погасит пыл?
Противника я атакую,
Но в грудь мою
 он мяч вlepил.

Темно. И небо рассердилось,
Грозя нам проливным дождём.
И десять форточек открылось,
Зовут родные мамы в дом.

Бежим — беспечные актёры,
А дождь уже накрыл просторы.

Мы спим. Судьба же вездесуща,
Она готовит роли нам.
И кто-то станет зло несущим,
Мне выпала тропа к стихам.

15 декабря 2008

Екатеринбург — Ханты-Мансийск

* * *

Пахнет милая цветами —
Зверобоем, чебрецом.
Смотрит льдистыми глазами
На заре за окоём.
Ждёт она, наверно, Принца —
Чародея своего.
Говорю я ей: «Подвинься,
Я пришёл вместо него».
И погасло отчужденье,
И промолвила, любя:
«Принимается прощенье
От покорного тебя».

Ночь косача

Ночью в бликах кедрача,
Если свет луны играет,
Ты увидишь косача —
Из сугроба выплывает,
Жарко всё-таки в снегу.
Надо бодро прогуляться,
Нету смысла ввысь подняться,
Лучше с братом бы подраться,
Как весною на току.
Но... повсюду тишина.
Свет струит к нему луна.
И косач расправил крылья:
— Сил в сугробе накопил я!
Стал он снегом умываться,
Как в лесном ручье купаться.
Снег кружится, золотится,
Птица от души резвится.
У пенька танцуют блики.
Глянь! — три кустика брусники.
Как они в лучах стеклянны!
Но для завтрака желанны.
Ел он ягоды, как дети
По утрам едят конфеты.
Вдруг косач насторожился:
Слышит шорох, тихий стон.
Тотчас он в сугробе скрылся,
Там до зорьки будет он.

3 января 2006

Зимний рейд белки

Лихо прыгала она
С дерева на дерево.
Снова зоркая Луна
В это трудно верила.
Осыпалось сто лучей
Вслед за белкою с ветвей.

Прыг с вершины. Снег кружит.
Белка в воздухе летит.
Опустилась, вся в снегу
На смеющемся суку.
Шишка в лапках. Погляди.
Скрылась в ветках. Не найти.
Где она? Гляжу кругом.
Вон — на кедре вековом.
Шишку шелушит она,
Остроглаза, весела.
Лапки — в деле, хвост — юла.
Обежала вокруг ствола.
Полетела, как стрела.
Снег кружится, снег сыпучий,
Дерева вокруг певучи.

5 декабря 2011

* * *

Внуку Владике

Мой внук заплакал:
Он впервые встал.
Один, без мамы,
В грозный мир шагал.
Мир страшно удивился:
— Как ты мал!
Внук улыбался, плакал и сиял.
На это время
 гением он стал.

Зов ледохода

От ожидания уснул,
Ждал ледохода.
Меня поднял и треск, и гул,
И сполох свода.

Галдят девчата на яру —
Апреля галки.
Кричат в пальтишках на ветру —
Себя не жалко.

В них бродит сок любви хмельной,
Любви случайной.
Рождаются всегда весной
Людские тайны.

И кто услышал ледоход —
Тому не спится.
Художник весел.
Грешник пьёт,
Бездельник злится.

Я выхожу.
Река трещит,
Гремит, грохочет.
Она Природу тормошит,
И грома хочет.

В движеньи льдин — упрямый зов,
Природы воля
И для полей, и для лесов,
Для женской доли.

И ставит парус рыболов,
Гремят моторы.
Река свободна от оков,
Мы в путь готовы.

20–21 февраля 2003

* * *

Снега летят.
Растут сугробы,
А кое-где и терема.
Уютно зайцу под снегами,
Смежил глаза. Теплынь и тьма.

Метелью филин недоволен:
Ни крикнуть, ни захохотать,
От частых, злых пощёчин ветра
Приходится моргать, чихать.

Не спится белке любопытной,
Нет-нет и шмыгнет из дупла.
И верещит она ехидно,
И хвост в работе, как метла.

Ель и густа, и величава.
Средь веток — спальня снегиря.
Он слушает концерт метели,
Он слушает, печаль тая,
Он ищет звуки для себя.

2011

© 1997 Bob

Особый знак

Когда парит калёный лист,
В лучистом воздухе колеблясь,
Ему восторженно дивлюсь,
Спасибо, акварельный месяц.
Листа круженье надо мной —
Особый знак небес и леса.
И завтра в дымке вихревой
Я встречу снежную завесу.
Случайный снег.
Но я пойму —
Пора к зиме готовить сани.
Деревья смотрят в вышину,
Они мудрей сегодня стали.

13 октября 2010

* * *

*На юге Тюменской области для меня,
жителя Севера, удивительны луга
среди берёзовых колок.*

Луг, тебе даны на радость
Фиолетовый кипрей
И медово-пряный лабас,
Он любимец пчёл, шмелей.
Словно мак говорит душичка,
И грушанка, будто снег.
И синицы — божьи птички
Напевают песни мне.
Косари идут рядами,
Понимая красоту.
Над лугами и ветрами
Проплывают наши «ТУ».
Косы взвизгивают в травах,
Дух целебный шлёт пырей.
Охватила колки лава
Мирных пеших косарей.
Земляники —
 море в колках,
А по осени — грибов.
Всё бы ладно, славно,
 только...
Очень много комаров.

20–21 февраля 2003

Одинокие деревья

Лиственница

Священная листвень у речки,
Напротив — серебряный брод.
Сегодня она позабыта,
Никто на поклон не идёт.
По-прежнему древо могуче,
Но веток усохших полно.
И греет его в непогоду
Лазурное в небе окно.
Лишь ворон порою присядет
На чёрный от времени сук.
И старое дерево радо:
«Спасибо тебе, верный друг».

Сосна

Сосна вознеслась одиноко.
Чего бы не жить ей в лесу?
Пригляд от Всевышнего, видно,
Несёт на озерном мысу.
Бывает душистой, зелёной
В июне и ранней весной,
И в шубке нарядна песцовой
Метельной и звонкой весной.
По осени в бежевых бликах —
При лунном сиянье сосна.
И смотрит в небесную просинь,
И росами плачет она.

Кедр

Живёт великан у обрыва,
Внизу голубеет река.
И смотрят на древо влюбленно
И грустно глаза рыбака.
Он часто у кедра бывает
В заветный сезон сентября.
И слушают вместе на зорьке
Древнейший напев глухаря.
Но думают путники-люди:
Пошто он стоит одинок?
И с этою думой у кедра
Ночами горит костерок.

1–6 марта 2010

Воскресная Долина

*Хожу в Долину сказок и ручьев,
Она мне дарит музыку для слов.*

Здесь дятел стучит барабанно,
И юная верба цветёт.
Звенит, рассыпаясь в сияньи,
Сиренево-дымчатый лёд.

Долина, теплом наливаясь,
В апреле живёт в чудесах:
Синицы поют, заливаясь,
Поляны цветут на глазах.

И верба, как мой одуванчик,
Пушиста, желта и мила.
Я с нею встречался и раньше,
Она отчуждённой была.

Сегодня её воскресенье,
И щедрость её от небес.
Я чувствую вербы веленье —
В мелодиях праздничных лес.

7–9 января 2009

Любимый месяц

Ночь октябрьская. Лунный
Таёт свет в тени ветвей.
Месяц мой — любимый, странный
Для лесов и для людей.
Месяц пурпурных закатов,
Разволнован человек.
Месяц злого листопада
Сквозь дожди, сквозь первый снег.
Месяц зыбкого свеченья
И погоды ветровой,
И небесного вниманья
К мяте, к пчёлке полевой,
К муравью, к жучку любому,
Чтоб укрылся от зимы,
Чтоб живительной весною
Миру вновь дивились мы.

14–15 октября 2008

Плач собаки

Собака плачет у забора
Охранного,
 возле леска.

Собака чует —
 очень скоро
Сюда пожалуют снега.

Таких собак в леске немало.
Сбиваясь в стаю белым днём,
Они ночами, где попало
Ютятся,
 даже под дождём.

У них есть клички:
 рыжий — Филька,
А этот ласковый — Туман.
Он что-то ищет на развилках,
Он часто плачет по ночам.

Его прогнал хозяин, видно,
Ему, невинному, обидно.
Скучает он по конуре
И, стало быть, по детворе.

27 октября 2011

Тропинки детства мамы

Памяти матери Клавдии Гавриловны

1

И вспомнил я деревню Рахту.
На приозёрном берегу
Стояли словно бы на вахте
Берёзы,
 глядя в высоту.

Та высота ласкала маму
И, видно, крепко берегла,
Когда она, дитя, в урмане
Бруснику чуткую брала.
Она шустрила в лапоточках,
На платье кофточка цвела.
Среди деревьев цветастой точкой,
Цветком порхающим была.
За нею сонно и лениво
Медведь следил из-за кустов.
Он от сороки суетливой
В берлогу убежать готов.
Полны лукошко и паёвка
Брусники рдяной, огневой.
Пора девчонке в лапоточках
Спешить тропинкою домой.

2

Конь игрневый красив,
Грива — снег январский,
Он упруг и чуть спесив,
Он боится ласки.

У Игреньки есть пастух —
Мамин братик Гриша,
Гонит он коня на луг,
Где пырей повыше.

Без коня семье — каюк.
Путь торит к спасенью —
Конь весной таскает плуг,
Обновляя землю.

Сам отец тот плуг ведёт
В праздничной рубахе.
Мама на меже поёт
Голосистой птахой.

«Ой, вы, цветики мои,
Берегите поле,
Чтобы много было ржи,
А пшеницы — боле».

Мама на меже пасёт
Бойкую телушку.
Для Игреньки бережёт
Сладкую горбушку.

И когда устанет конь
И межи коснётся,
Будет хлебом угощён,
Маме улыбнётся.

Золотые в мае дни,
Каждому есть дело.
Старший брат корчует пни
Ловко и умело.

Андрей Тарханов.

Дед с лукошком, босиком
Пашнею шагает.
Он размашисто зерном
Землю насыщает.

С этим дивом жить бы жить
Людам в дружбе, в ладе:
Хлеб растить,
детей любить,
Чтить,
что Богу надо.

Февраль — март 2009

Последняя белка

Снежок уже выпал,
но мало.
И рыжая хвоя видна.
В ней белка находит орехи,
Голодная, видно, она.

Мне жалко ее:
позабыла,
Что новая шубка на ней.
Последняя белочка лета,
Она не боится людей.

26 октября 2012

Рождённый цунами

*Памяти прошлогодних трагических
событий на Таиланде, в Индонезии...*

Мальчик плачет и смотрит на маму,
Он в глазах её видит цунами.
Только высказать чувства не может.
Он сейчас на цыплёнка похожий.
Он дрожит.

Почему же из мамы
Не уходит тот страшный цунами?
Он за всех своих
 сверстников плачет,
Прижимая к груди алый мячик.
Этот мячик притихшее море
Подарило ему, словно горе.
Он нашёл его после цунами.
И увидел бегущую маму.
Он вначале...

 и не удивился,
Он ведь заново нынче родился.
Помнит —
 нету людей, нету мамы —
Только белая пена цунами.
Он, как мячик, по пляжу катился...
Очень долго.
 Он снова родился.

15 декабря 2004 — 8 января 2005

* * *

Августовская ночь в аромате кипрея.
За рекою Ишим догорает костёр.
Горизонт от заката дымится, краснея,
И задумчив сосновый Сеницынский бор.

Эту ночь оставляю я в сердце навеки —
Запах росного бора, воды и цветов.
Улыбаюсь Венере.
Смежаются веки.
К ней лечу я на крыльях
голубых облаков.

Флейта иволги зовёт

* * *

Княженика, княженика,
Весело ищу тебя.
Ты с рожденья солнцелика,
Как цветы картофеля.

Возле троп, возле полянок —
Твой в лесу укромный сад.
Благодатный, тонкий, пряный
Излучаешь аромат.

По истории далёкой
И преданию людей —
Ты жила в усадьбах строгих
У царей да у князей.

Потому, знать, княженикой
Величаем мы тебя.
Ты с рожденья солнцелика,
Ты услада бытия.

18–25 марта 2012

Февральские мотивы

Кедрач над речкою стоит
То чёрной — в оттепель — громадой,
То серой — до небес — стеной
В дни бури снежной и косматой.

А в речке плавают ерши,
Она слывёт в тайге Ершовой.
Спускается на дно болот,
За кедрачом выходит снова.

Вода, чуть синяя, светла —
Подарок глубины небесной.
И, у живущих здесь ершей,
Икра на свете всех вкусней,
Об этом нам давно известно.

Деревья ветер просквозил,
Кедрач курчавится, взъерошен.
Его встряхнули ото сна,
Стоит улыбчивый, пригожий.

Готов кедрач весну встречать,
Нет ни следа от снежной пудры.
И солнце гребнем золотым
Ему расчесывает кудри.

27 января — 2 февраля 2009

В морозные дни

Две белки, две подружки,
Вид у обеих лих,
Присвоили кормушки,
Хозяйничают в них.

Боятся белок птицы —
Овсянки и синицы.
Предел их возмущенью
Пришёл на воскресенье.

Их голос знают ветки:
«Мы все родились здесь.
Вы слышите нас, белки?
Хотим мы тоже есть».

Но белки их не слышат,
Увлечены едой.
Стучит сорока в крышу
Кормушки:
«Белки, стой!»

Сорока — это сила,
Лесной авторитет.
Она им заявила:
«Окончен ваш обед».

Заверещали белки,
Но стали поскромней.
И полетели белки,
Сметая снег с ветвей.

Вновь у кормушек пенье,
Своё в мороз веселье.

25–29 января 2013

Дары заката

Закат — гениальный художник,
Искуснее мастера нет.
Он дарит последний, возможно,
Багряно-лиловый Тибет.
И Эльбрус чеканно и чисто,
Смотрите же, люди, горит.
И звёздами море лучится,
И парус бессмертный летит.
Возносятся алые храмы,
От неба исходят творцы,
От этих видений таланты
Растут на Руси, как цветы.

7 сентября 2007

В кедровом бору

1

Душисты у августа ветры,
Таёжный понравился край.
Кричат им лиловые кедры:
Снимайте скорей урожай!
И сыплются спелые шишки
С богатых тяжёлых ветвей
На хвою, на спины зверей.
Берут их косматые мишки,
Их ловят руками мальчишки,
Кедровки их прячут у пней.

2

Идёт заготовка орехов
В кедровом бору даже в ночь.
Плутовки-сороки — потеха! —
Стараются белкам помочь.
И самые крупные шишки
Они им кладут на пеньки.
Но их подбирают неслышно
Проворные бурундуки.

3

Медведь догадался лукошко
Огромное
 смастерить.
Усердной работой дорожку
Сумел он в бору проторить.
— Ох, жадный... — трясётся от смеха
Ворона на старой сосне.
— Не жадный... Люблю я орехи,

Флейта иволги зовёт

Готовлюсь к морозной зиме.
Не лягу в берлогу —
покуда
Не съем я орехов два пуда.
Мышонок кричит:
— Дядя Миша,
Три шишки к зиме подари.
— В лукошке найдёшь ты излишки,
Для братьев скорее бери.
И снова он шишки таскает,
Устанет —
орехи щелкает.

4

Кедровый бор всегда спасенье
Для малых и больших зверей,
Для птиц голодных, для людей —
Целебен дух его ветвей.
Кедровый бор — небес даренье,
Беречь его — Творца веленье.

25 ноября 2004 — 6 декабря 2005

Волна и гранит

Волна идет, шипя, стращая
Гранитный камень на пути.
Волна грохочет, нападая,
Гранит в ручьях стоит, гляди.
Но следом новая, седая
Громада из глубин взошла.
Гранит напрягся, ожидая.
Неужто в камне есть душа?
Мне кажется, что камень стонет,
Когда волна бьёт тяжело.
За камнем сад на малом склоне,
И камень бережёт его.
И — вечер.
Моря зыбь игрива,
Похоже, камню гимн поёт.
Он смотрит в дали горделиво,
Он снова ночью бурю ждёт.

31 января 2011

Детский сеновал

Для небосвода детский сеновал.

Нас трое,

в звёзды мы играем —

Свою звезду мы выбираем,

Ей доверяем тайные слова.

«О Боже, маму береги мою», —

Шепчу своей звезде я тихо.

И просит сродный брат: «От лиха

Спаси, Господь, нашу семью».

«Ребята, я звезду свою нашла!» —

Галинки голос в небо мчался,

Он от восторга задыхался,

Так трепетала юная душа.

От непонятных чувств мы обнялись,

И встали все, на звёзды глядя,

Мгновенье это было свято:

В любви впервые звёздам поклялись.

15–18 февраля 2013

Кровинушка России

Река Ишим горда затонами.
Глаза от лилий веселы.
Парную воду пьём ладонями,
Её нам грозы принесли.

Любуемся на зорьке плёсами,
Пески оранжево-белы.
Их обмывает небо росами,
Ласкают взлётные валы.

Блаженствуем ночами майскими,
Когда рыбацкий костерок
На плёсе алом лечит сказками,
Тропинкам дарит свой дымок.

Мы здесь нальёмся вольной силою —
Среди валов, среди полей.
Ишим — кровинушка России,
Как Волга, Обь и Енисей.

Июль 2012

Древний амбар

К земле поник зелёной крышей
Наш спутник радостей и бед.
Ещё он пенье птичье слышит,
Ещё он чувствует рассвет.

Я обошёл его печально,
Его я помню молодым.
Берёг припасы он исправно,
Спасая нас от лютых зим.

Он помнит бабушкины ласки,
Он был послушен только ей...
Неужто с ним угаснет сказка
Далёкой юности моей?..

20 апреля 2011

Семейный рассказ

*Посвящается внукам
Саше и Маргарите*

Ты не в горах родился, Барсик,
А в доме, около цветка.
Потом, смешно расставив лапки,
Просил по-детски молока.

Уроки жизни изначальной
У бабушки ты получил,
В квартире нашей беспечально,
Уже уверенно ходил.

И вырос ты в кота большого,
Стал мышек по углам искать.
Устав от поиска смешного,
Ты в мячик с нами стал играть.

Тебе хотелось, Барсик, с каждым
Поспать украдкой, посидеть.
Мы поняли, как в доме важно
Такого друга занять.

Ты знал капризы Маргаритки
И Саши шаловливый пыл.
Мяукал, видя их улыбки,
Ты их по-своему любил.

Привыкли мы к тебе взаимно.
Случайно ты в беду попал.
И очень, Барсик, нам обидно.
Что ты ушел навеки в даль.

Как немое кино...

Свет луны, как будто в детстве,
Убаюкал лес в тиши.
Ни одна не скрипнет ветка.
Сон глубокий, сон души.

Звезды между веток елей —
Вижу в ясное окно —
Хоровод ведут несмело,
Как в немом чудном кино.

Кедры спят, обнявшись дружно
Ветками,
 плечо к плечу.
И луна плывет послушно...
Я в такую ночь пишу.

2 февраля 2012

В тихий листопад

Березы лист парит смиренно,
Он ищет новое жильё.
И, словно путник утомленный,
Садится на пенек в тепло.
Пенек в листьях.
Тепло струится,
В воздушных струях новый лист.
Он долго в воздухе кружится,
Как опытный парашютист.
Из листьев алая завеса,
Как будто дождь идет смешной.
Поэт сентябрьского леса —
Я улыбаюсь, я чудной.

24–25 ноября 2012

В Рождественский мороз

Синицы спрятались в стогах.
Белы березы, словно сахар.
Глухарь, не скрывшийся в снегах,
На лютном холоде заплакал.

Мороз мальчишкам нипочем.
Они — снеговики живые —
Летят на санках с ветерком,
И кедры охают седые.

Силен Рождественский мороз,
В тайге слышны деревьев стоны.
Нам говорит с небес Христос:
«Вы оставайтесь нынче дома».

15 апреля 2007

* * *

Нет милее на свете картины:
Зимний вечер деревни моей,
В отдаленьи пихтач темно-синий,
И оранжевы пятна огней
В окнах изб деревянных и снежных,
Между ними дорога поет.
И небесная благодать безбрежна,
И покоя она не дает.
И бегу я на зов к сеновалу,
И гляжу до озноба туда,
Где опять для меня засияла
Та, любимая мною, звезда.

20 марта 2007

* * *

Помог сегодня лунный свет,
Дав волю к размышленью:
Непостижимых истин нет,
Оберегай терпенье.

16 января 2011

Этот величавый лес

Величавый,
Снегом обнесённый,
Он по воле неба молчалив.
Пожимает он плечами сонно,
Если ветер по ночам криклив.

Материнское познав вниманье
Пристальных загадочных небес,
Избежав людского наказания,
Красотой явился миру лес.

По весне зелёным домом станет
И для старца, и для малыша.
Прихожу сюда я рано-рано,
И моя волнуется душа.

7 декабря 2011

**Мансийские
пословицы
и поговорки**

Пословицы

С добрыми мыслями живешь, будто живую воду пьёшь.

Земля и Небо одним умом живут.

Одетый в мирную одежду, зачем шумишь?

Растущий человек не плавает в одних и тех же водах.

Не криви мои дороги, коли искривил свои.

В погоне за сладкими ягодами забыли они про сына.

Дорога к мудрому владыке не зарастает травой.

Тот, кто в золоте живёт, золото обещает.

Жизнь на земле — не сладкая морошка.

Нет у колдовской сказки конца, как у жизни.

Не хотел честно жить — иди к горизонту.

Если в пути тяжело — вспомни колыбель и маму.

И зверь бывает судьёй человека.

Путь ранимой души — не путь на лыжах.

Поговорки

Манси — народ вечерний.

Твои руки белы, как воды Оби.

Ты бежишь в царство теней.

Ты — как бездонное лукошко.

Ты с кедром споришь.

В собольем гнезде валяешься.

Ты к слову земному лицо поверни.

Сладкие молитвы стелешь.

Спасибо, мой сын, что задумался я.

Даже сухие деревья смеются над тобой.

У тебя семь мудростей.

Рыба весной не ждёт рыбака.

Кедр — дерево правды.

Крылатые народы на небо улетели.

О детской книге

етская книга по высшим канонам являет особый образец художественного дела. Сюда входят в первую

очередь: содержательный, интересный текст, талантливые, живые по восприятию иллюстрации, красочное, влекущее к себе, оформление, твёрдая в цвете обложка и т.д.

Весь этот сложный, целенаправленный процесс работ, необходимый для издания книги для детей, был порушен в 90-х годах. Восстанавливается он трудно.

Серьёзные потери понесла художественная часть этого процесса. По словам председателя Товарищества детских и юношеских писателей при Союзе писателей России Ирины Лангуйевой-Репьевой: «...Из детского книгоиздания ушли многие привычные для нас

жанры: психологическая проза, школьная повесть, книги о природе, о профессиях, труде, сказки, научная фантастика, поэтическая лирика для детей и юношества. Зато школьные и городские библиотеки заполнились детективами, любовными повестями для девочек, страшилками...»

Невольно рождается вывод: убрав самые значимые жанры из детской литературы, мы обрекаем детей на скудость ума, на болезненное воображение и низменные интересы. И многие негативные случаи из нынешней жизни детей — тому подтверждение.

Моя новая книга для детей и подростков имеет название «Флейта иволги зовёт». Если в книге «Лесные доктора» я выступал в части поэзии как сказочник, то здесь в основе книги — реальные факты, героями которых являются сами дети.

Игры детства. Их немало. Но в памяти всегда остаются первоосновные. Из минувшего времени можно вспомнить своего рода исторические игры: стрельба из лука, лапта, городки, пряталки, качели... Конечно, сейчас появились и новые игры, в том числе компьютерные. Большой популярностью пользуются шахматы. И, всё-таки, главное — это Природа, её всеобъемлющее влияние на человека: ребёнка, подростка, старшеклассника — и так — до последних дней жизни. Природа всегда реальна. Она цветёт пленительно, поёт самыми трогательными голосами. Такое живое отражение она находит в реалистической литературе, которой следовали все великие классики мира. И мы, говорю о писателях Югры, следуем этой дорогой.

Новая рукопись уникальна, как и «Лесные доктора», — она адресована школьникам всех воз-

растов, имеет многообразие литературных жанров. И критика, и общественность отметили новаторство «Лесных докторов».

В рукописи «Флейта иволги зовёт» имеется новинка — рассказы для детей, а также мансийские пословицы и поговорки. И, конечно, снова — загадки. Дети всегда воспринимают их оживлённо, радостно.

И последний штрих. Человечество сегодня не может гордиться достойной и похвальной заботой о детях. Этот серьёзный болевой упрёк относится и к нашему Отечеству. Нет пока у правительства России многогранной целевой программы, которая бы способствовала гармоничному воспитанию и развитию ребёнка, подростка, старшеклассника. Но все понимают: проблемы, связанные с детьми, должны решаться на самом высоком государственном уровне, ибо речь идёт о будущем страны.

Содержание

От редакции. 5

ПОЭМА, ЗАГАДКИ, РАССКАЗЫ, СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНЫХ ВОЗРАСТОВ

МИЛОСЕРДНАЯ СОСНА (поэма)

Сосна.	9
Барсук	10
Белка	12
Лиса	15
Дятел-Желна	17
Гогли	19
Утро Сосны	23

ЗАГАДКИ

Странный зверь	26
О таёжных зверях и грибах . . .	27
Мансийские загадки.	28

РАССКАЗЫ

Чудо	29
Только	31

СТИХИ

«Я боюсь...»	36
На каникулы	37
В предновогоднюю ночь	38
Песня кедрового леса	40
«Небо зелёное над кедрочками...»	41
Январское состояние	42
Ночная вьюга	43
Лук	44
«Есть поле овса...»..	46
«У веток лиственниц священных...»	47
Танцуют ели.	48
Цвета снега	50
В стужу январскую	51
Смех снега.	52

Осень.	53	После ночного дождя	70
Мартовский ручей	54	«Нельзя тайге без комаров...».	71
Лога.	55	И видит орлан...	72
Молва рыбака.	56	Заботливый кедр	74
Игры	58	Середина лета.	75
Опята.	59	В снегу	77
Метель	60	Оттепель в канун декабря.	78
В предзимнем бору.	61	Зимний покой	79
«Скрипит мороз и воют ветры...»	62	«В кедровнике пленительны опушки...».	80
Слово к ягоднику	63	«Странное безмолвие лесов...»	82
Костяника.	64	Если грянет снегопад	83
Мокрый снег	65	Памяти Принца	84
Грибная ночь	66		
Рождение души.	67		
«Белке надо в дождь скакать...»	68		
Поговори с подснежником	69		

РАССКАЗЫ, ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ СТАРШИХ КЛАССОВ

РАССКАЗЫ

- В озёрном краю (*очерк*) 86
Таксист и артист 91
Младший сын 95

СТИХИ

- Лосиха 101
В дачном саду 102
Будни сентября 103
«Я славлю раковины пенье...» . 104
О зависти 105
Берёза любви 106
Твой облик взяли паруса 107
Вороньи дела 108
Божье воскресенье 110
Поэт 111
О любви 112
«Капризы в жизни нашей
вёсны...» 113
Гармония 114

- В феврале 116
Дороги геодезиста 117
Тревоги октября 118
Я чувствую небо 119
Фартовый земляк. 120
Старый кедр. 122
Утро марта. 123
«Из детства шлѐшь
улыбку мне...» 124
«Мы роль себе не выбираем...» 125
«Пахнет милая цветами...» . . . 126
Осеннее утро 127
Ночь косача 128
Зимний рейд белки 130
«Мой внук заплакал...» 131
Зов ледохода 132
«Снега летят...» 133
Качели в Пасху 135
Особый знак 136

«Луг, тебе даны на радость...»	137
Одинокие деревья	138
Воскресная Долина	140
Любимый месяц	141
Плач собаки.	143
Тропинки детства мамы.	144
Последняя белка	147
Рождённый цунами	148
«С берёзы сыплются веснушки...».	149
«Августовская ночь в аромате кипрея...».	150
«Княженика, княженика...»	151
Февральские мотивы	152
В морозные дни	153
Дары заката	155
В кедровом бору	156
Волна и гранит	158
Детский сеновал	159

Кровинушка России	160
Древний амбар	161
Детства милые мгновенья.	162
Семейный рассказ	163
Как немое кино...	165
В тихий листопад.	166
В Рождественский мороз	167
«Нет милее на свете картины...»	168
«Помог сегодня лунный свет...»	168
Этот величавый лес	169

МАНСИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Пословицы	171
Поговорки.	172
О детской книге	176

Тарханов Андрей Семенович
ФЛЕЙТА ИВОЛГИ ЗОВЁТ

Книга для детей всех школьных возрастов

Иллюстрации и оформление А.А. Морозов
amorroz@mail.ru

Верстка А.А. Морозов, И.М. Амромин

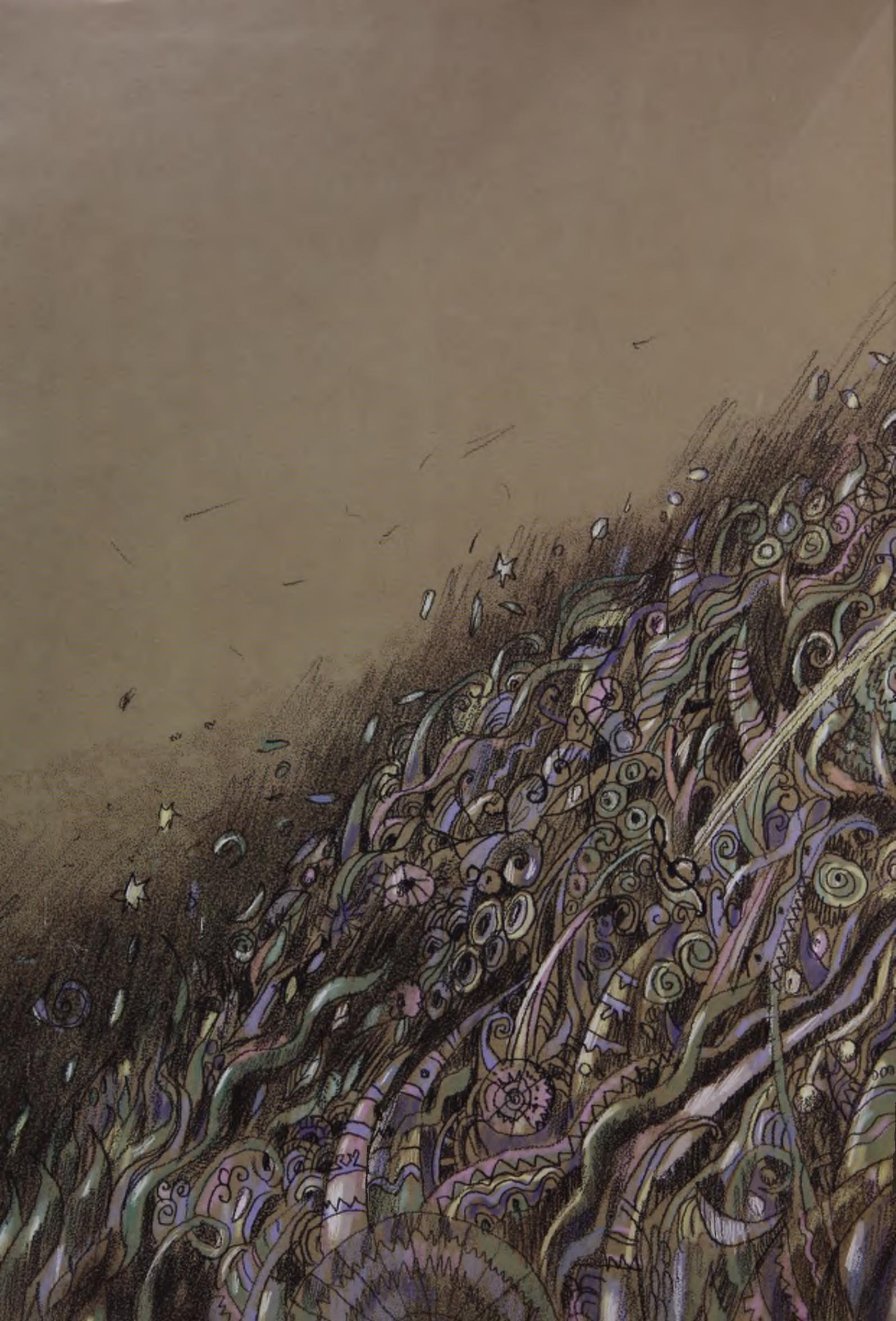
Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 06534,
выдана 16.01.2002 г.

Подписано в печать 10.08.2013. Формат 60x84 ¹/₈.
Бумага мелованная пл. 130 г./м². Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,5.
Тираж 1000 экз. Зак.

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24.

Отпечатано в типографии ООО «Принт Русь»
620 000, г. Екатеринбург, ул. Старых Большевиков, 2
тел. +7 (343) 228-42-45, +7 (343) 228-42-46

035122014
Государственная библиотека Югры

